

Тарифолла Есим

СОЦИАЛИЗМ

Роман

Предисловие

Раздумывая о прожитом, я прихожу к мысли, что всю свою жизнь я шел к этому роману. О чем бы я ни писал, что бы ни говорил – все касалось темы социализма. По-другому и быть не могло. Время, когда я родился, рос, стал взрослым человеком, – это время социализма.

Социализм – это наше бывшее, прошлое, прожитое нами. И этим он ценен. Социализм для меня, так же, как и для многих других, – это моя биография. Это прошлое Казахстана, его история, а история требует к себе уважительного отношения.

Социализм порожден желанием справедливого общественного обустройства. Как показало время, это была отрицательная практика. Но в науке существует выражение «отрицательный результат – тоже результат». В этом смысле социализм – результат поисков справедливости. В романе я рассказываю о судьбах людей, живших при социализме.

Социализм, проникнув из Европы в Россию, был насильственно внедрен в Казахстане. Я – представитель поколения, которому выпала судьба жить в эти времена. И мой рассказ именно об этом.

Разговор о социализме, думаю, не оставит никого равнодушным, безучастным. И это закономерно, потому что не считаться с нашим социалистическим прошлым, не замечать его невозможно.

Это общая для всего человечества тема.

Автор

ГЛАВА 1. СОЦИАЛИЗМ И Я

Тема, которую я хорошо знаю, – социализм. Родился при социализме, 44 года жил в социалистическом обществе. Многие годы изучал теорию социализма, занимался пропагандой его идей среди населения. Мне вспомнилось по этому случаю крылатое выражение: «Можно всю жизнь прожить в Париже и не знать его». Я не берусь утверждать, что все, что знаю о социализме, есть истина в последней инстанции. Как говорится, у каждой горы своя вершина, и мое слово – это только мое слово, произнесенное мной.

Теперь начну по порядку.

Я родился 15 апреля 1947 года в семье бедняка. Тогда социализм уже полностью обосновался на казахской земле. Двумя годами раньше моего рождения закончилась Вторая мировая война. В аулах только налаживалась жизнь. Жить было тяжело, голодно, холодно, ни одеться, ни обуться, ни сытно поесть. К тому же сильно работала пропаганда, идеология. Стало традицией возвеличивать Иосифа Сталина, расхваливая его на все лады.

Казахстан тогда назывался Казахской Советской Социалистической Республикой, был в составе Союза Советских Социалистических Республик. Столица Союза – Москва. Основная нация в государстве – русские. Поэтому повсеместно шла русификация. Знать русский – для всех обязательно. Пар-

тийные, советские работники, в общем, вся интеллигенция того времени обучала детей в русских школах. Казахские школы были в основном в аулах. В городе, за исключением школ-интернатов, казахских школ не было, все казахские школы были переведены на русский язык обучения. Социализм, таким образом, решил проблему национальной политики.

С детских лет в мою память врезались два момента. Первый — это праздничная атмосфера, везде красные флаги, транспаранты, лозунги, колонны демонстрантов. Второй момент — голод.

Было не только голодно и холодно, не было и одежды. В чем ходить в школу, где достать форму — эти вопросы мучили не только меня, но и всех моих сверстников.

НОВЕЛЛА

Нет человека, который бы не был ребенком. С годами детские воспоминания становятся все ярче и отчетливей и предстают перед тобой как секретные документы из архива. Об одном из таких эпизодов я и хочу рассказать.

Пятидесятые годы для многих были тяжелым временем. В память мою отчетливо врезалось полуголодное детство, и ничем это не вытравишь.

Я, ученик второго класса, живу в районном центре у дальних родственников. Родители работают в колхозе, в шестидесяти километрах от села. Хозяин дома — бывший фронтовик, инвалид, без одной ноги, руки, глаза тоже нет. Каждый месяц получает пенсию — 300¹ рублей, на которые и живет вся семья, другого приработка нет. Жена не работает, целыми днями дома, хозяйка из нее плохая — нерасторопная, сварливая, ленивая. У них четверо детей — двое мальчиков, две девочки, да еще и я. Сказать, что мы жили бедно, значит, ничего не сказать, точнее будет, если скажу, что жили мы впроголодь. Сытыми мы были лишь тогда, когда из колхоза приезжали мои родители и привозили мясо, масло, толокно, шарики курта, но радость была недолгой, продукты быстро таяли, как снег под лучами солнца, и мы возвращались к своему полуголодному житью.

У голода есть своя тайна, свои секреты. Представить, что такое голод, может только тот, кто сам голодал. Вот, например, играть на улице голодным легче, чем засыпать на голодный желудок. Ворочаешься до глубокой ночи в постели, живот бурчит, под ложечкой сосет, ты наконец-то засыпаешь, и во сне тебя настигает один и тот же сон: ты видишь булку белого хлеба. Эту булку каждый раз выносит на улицу соседский мальчишка Сергей, сын Матвея. Делаю вид, что играю с ним, а у самого аж слюнки текут. Сергей отламывает мне кусок. Мне кажется, что я не жую, а проглатываю его. Только поднесу ко рту, а хлеб уже исчезает, как воздух. Иногда я нарочно остаюсь дома, чтобы не встречаться с Сергеем и не брать у него хлеб.

Хозяина дома звали К., сын его был мой ровесник. Звали его Бейбит. Учился он плохо, особенно не давалось ему чистописание. Однажды отец его, просматривая мои тетради и дневник, стал ругать Бейбита и до того распалился, что избил его. На следующий день сын хозяина снова принес двойку, и снова отец побил его. Потом он успокоился и, видя очередную двойку сына, неодобрительно посматривал в мою сторону.

Мать Бейбита тоже невзлюбила меня. Так, когда мы садились за стол, она демонстративно клала лучшие куски своему сыну. Бейбит с шумом хлебал суп, а я, опорожнив тарелку, благодарил хозяйку и отсаживался от стола.

¹ После денежной реформы 1961 года — 30 рублей (примечание редакции).

Однажды хозяин, заметив это, рявкнул: «Эй, баба, не разделяй детей, наливай всем одинаково», — и ткнул ее в бок.

Проходили дни, я понимал, что ничего изменить нельзя, и с особым нетерпением ждал каникул. Но вот я приезжал домой и забывал о еде. Целыми днями купался в озере, играл до темноты с соседскими ребятами.

Но до начала каникул еще далеко, а я сижу и с тоской смотрю на свои сапоги. Купленные осенью, к середине зимы они представляли жалкое зрелище.

Когда гоняешь на только что застывшем Иртыше ледышку, отпинывая ее другим, или носком сапога поддеваешь какую-нибудь банку и с грохотом подкидываешь ее вверх, разве придет тебе в голову, что сапоги надо бы поберечь? Кляня себя на чем свет стоит, позабыв о голодном желудке, мечтаю о паре новых кирзовых сапог. Тогда они были пределом мечтаний для любого мальчишки. Особенно если внутри стелька из войлока и теплые портянки — эх, красота, ноги так и горят, и никакой мороз тебе не страшен. Можно, привязав коньки, ухватиться за проезжающие мимо сани и прокатиться с ветерком.

Вздохнув, я решил как-нибудь зашить дыру в сапоге и стал искать шило. Заметив это, хозяин сказал: «Ладно, вечером я как следует подлатаю его, а сейчас собирайся, пойдешь со мной в магазин покупать сапоги».

Сердце мое затопила радость. Не иначе как отец с матерью передали денег на сапоги, но зачем тогда он хочет латать старые?

На улице трещал мороз. Мы, скоро шагая, добрались до магазина.

— Подбери мальцу сапоги, — сказал К.

Продавец выложил на прилавок пару сапог.

— Что смотришь, примеряй.

Сапоги были мне впору, я прошелся в них, чувствуя себя на коне.

— Ладно, снимай, хватит, — вдруг сказал К.

— Они же ему впору, в самый раз, — запротестовал было продавец.

Я тоже стал говорить, что они мне как раз, но хозяин перебил меня.

— Дорогой, — сказал он, обращаясь к продавцу, — сапоги я беру не ему, а своему сыну, а у него нога на размер меньше, понял?

Я стоял, как оглушенный. В полной тишине К. отсчитал деньги, продавец бросил на прилавок сапоги. К горлу подкатил комок, я судорожно сглотнул и почувствовал, как меня бьет мелкая дрожь.

— Что стоишь, пошли! — Голос хозяина вывел меня из оцепенения. Я понял, что он взял меня с собой, чтобы купить сапоги своему сыну, которого не захотел тащить в такой мороз на улицу.

Бейбит, обув сапоги, довольный и радостный, прохаживался по комнатам, и никто не сказал ему: «Хватит». Я же сел на свое привычное место в уголок и начал делать уроки, и каждая буква, старательно выведенная мной в тетради по чистописанию, была мне близкой и родной.

* * *

Мое понимание социализма началось с Ленина. В школе мы учили наизусть много стихов о Ленине. Став октябрятами, мы прикрепили к груди значок с его изображением. Давали клятву жить по-ленински. Я решил узнать о Ленине как можно больше, начал читать книги о нем. Мне очень нравился его призыв: «Учиться, учиться и учиться». Учиться — это ведь здорово! Я мечтал стать таким же знающим, как Ленин. Но в семейном кругу я слышал и другие мнения о нем.

Мое мировоззрение сформировалось на основе системы знаний, порой взаимоисключающих друг друга, прямо противоположных мнений. В школе

говорили одно, аульные аксакалы, домашние говорили другое. Вспоминаю, что разговоры за столом велись без утайки, никто не обращал внимания на то, что их слушали дети, наоборот, даже, по-моему, хотели, чтобы я все это знал. За вечерним чаем допоздна велись беседы о народе, о его истории, хане Абылае, Кабанбае, Богенбае. Никогда я не слышал из уст беседующих имена партийных руководителей. Помню только, что Сталина называли «усатый», Хрущева «лысым». Вспоминается мне одна история, случившаяся со мной в пятидесятые годы. Не скажу, что это какое-то значимое событие, так, застрял в памяти один эпизод, одно слово. И все последующие годы это слово, застрявшее в мозгу, было для меня неразрешимой загадкой. Лишь сейчас смысл его раскрылся для меня. Народ у нас мудрый, его на мякине не проведешь. Он безошибочно угадывает, где фальшь, где истина. Жаль только, что с мнением народа особенно не считаются. В тот вечер аулчане и родственники, пришедшие поздороваться с дедом Есимом, допоздна засиделись за столом. Разговор коснулся политики. Тогда люди живо обсуждали очень острую проблему. Вышло постановление о Сталине, началось его развенчивание. Одни поддерживали кампанию развенчивания Сталина, другие выступали против этого. Я понимаю, что мой дед против «усатого», но и «лысого» особенно не привечает.

НОВЕЛЛА

После ужина все, кто зашел на огонек, остались сидеть возле моего деда. Разговор коснулся политики. В то время произошло два события, всколыхнувших народ.

После выхода известного постановления началась кампания против Сталина. Одни это одобряли, другие осуждали. Что касается моего деда, он и «Мурта» не уважал, да и к «Плешивому» особой почтительности не испытывал.

Дед не знал современного алфавита и потому заставлял меня читать вслух газету. Я старался читать с выражением, придавая своему голосу торжественность и пафос.

— Э, и этот долго не продержится, — сказал дед после чтения. Я, не обращая внимания на эти слова, продолжал тараторить.

Закончив читать, я положил голову на правое плечо деда. Он протянул мне газету: «Ну-ка, прочитай, что он еще говорит». Опять читаю, как мне кажется, с выражением — с паузами, с ударением на отдельных словах. Признаюсь, смысл многих слов мне был непонятен. Судя по поведению взрослых, они их понимали.

«Плешивый» говорил о частной собственности. При коммунизме вроде бы и частная собственность отменится. Народ будет жить на всем готовом.

— Что ни говори, а он молодец, на самом деле, частная собственность — это ярмо на шее, — сказал вечно пьяный Капланбек.

«Теперь выходит, что Советская власть — это власть для тунеядцев и лентяев, что едят и пьют, лежа на боку, а я-то думал, что это власть для обездоленных», — так сказал учитель истории Сагат, грамотный, коммунист, фронтовик, прошедший всю войну и вернувшийся живым, но с больными легкими.

Я всегда удивлялся дяде Сагату. Сам учитель, коммунист, а всегда выступал против того, что пишут в газетах.

Однажды я слышал, как он, переводя какую-то статью из «Правды» на казахский язык, заключил: «Аксакал, это самая лживая газета».

Меня от этих слов учителя бросило в дрожь. Ведь я мечтал о том дне, когда смогу читать ее без запинки. Время было позднее, люди стали собираться домой.

— Что тут говорить, правительство, рожденное ложью, от обмана и погибнет, — сказал дядя Сагат, задыхаясь от приступа безудержного кашля. Сказал как-то зло, с ожесточением.

— Смотри, Сагатжан, ведь ты на службе, — предостерег его мой дед, но не оспорил его, не возразил. Я же был не доволен поведением деда, почему он не скажет дяде Сагату, что тот не прав. Как может учитель быть против газеты «Правды». Вот учитель истории на уроке до небес превозносит Хрущева, часто приводя цитаты из «Правды».

«Интересно, о чем говорит дядя Сагат своим ученикам», — думал я. Дядя Сагат недолго прожил после этого. Он умер в конце пятидесятых. Приехавшие из райкома люди не нашли партбилета, сколько ни искали. Для многих это было загадкой, но я вспомнил слова учителя: «Власть, основанная на лжи, от нее и погибнет», — и мне все стало ясно.

* * *

Советская идеология сделала свое дело, и мои взгляды постепенно сформировались соответственно общей атмосфере, отличной от взглядов деда и дяди Сеита. Стал пионером, повязал на шею красный галстук. Потом вступил в комсомол, был активным его членом.

Социализм занял прочные позиции в моем сознании. На 2-м курсе Семипалатинского педагогического института как студента-отличника меня приняли в партию. У меня не было претензий к социализму. Голод, который пришлось пережить в детстве, тяжелая жизнь, нехватки — все списывалось на военное лихолетье, бюрократию. Но когда я брал в руки «Правду», мне иногда вспоминались слова дяди по матери Сагата: «Давайте, я вам почитаю газету, где все вранье», — и принимался читать «Правду», сразу же переводя ее на казахский язык, и в сердце мое закрадывалось сомнение.

НОВЕЛЛА

Столько лет прошло, а в ушах у меня все продолжает звучать радостный крик Самата.

«Вставай, вставай, Камал, они уже приехали, вон они, вставай скорей!» Те страшные тридцатые годы давно уже подернулись пеленой забвения, а вот поди ж ты, кажется, что это было легче пережить, чем сейчас вспомнить. Такая злость, такая досада берет неизвестно на кого, когда перед глазами встают картины прошлого. И диву даешься, как человек мог это все вынести, выстрадать.

Единственное, что человеку не под силу, — это воскреснуть после смерти, а все остальное он переживет. Все с лихвой испытали, испили чашу страданий до дна, а вот представьте, если бы не было этих кошмарных лет, какая бы жизнь нас ожидала. Сколько светлых и радостных мгновений остались для нас навеки закрытой страницей, я говорю о сотнях молодых ребят, жизнь которых оборвалась, не успев расцвести. Как не горевать и не печалиться о близких тебе людях, в могилу которых не суждено было тебе бросить горсть земли, и потому только, что не было у них могил, и неизвестно, где нашли они свой последний приют. Об одном только думаешь: лишь бы это не повторилось. Бедный мой Самат, как он радовался тогда приезду гостей, как ликовал. Эх, знать бы тогда, чем все это закончится.

В то время Самату было тринадцать, и был он превосходным художником. Бумаги не было, так он, быстрым движением разровняв песок, рисовал

наши профили или, когда мы шли в лес, на стволах берез высекал портреты аульных мальчишек и девчонок, рисовал нас на дверях и окнах, но тут же стирал, боясь, наверное, что взрослые будут ругать. Мы, столпившись, хором упрашивали его оставить рисунок. Он, улыбаясь и шмыгая носом, утешал нас: «Погодите, дайте срок, вот будет у меня много бумаги и красок, я всем вам портреты нарисую». И мы с нетерпением ждали того часа, когда он станет обладателем бумаги и красок.

Самат был очень энергичным и шустрым малым. И у него была необыкновенная тяга ко всему новому. Он первый узнавал все аульные новости и пересказывал их нам. Может, из-за того, что мы были с ним одноклассниками, Самат всюду таскал меня за собой. Но у меня был один недостаток, который очень мешал моему общению с вертким, быстрым моим другом. Я любил поспать, и если выдавалась свободная минутка, я тут же засыпал. «Эх, соня, и что получится из такого лежебоки, как ты», — бывало, ругал меня Самат, а я и ухом не поведу, знай себе, похрапываю.

Вот и в тот раз, выгнав на лужайку нашу единственную корову, я пришел домой и, накрывшись с головой старой кацавейкой, предался своему любимому занятию.

«Вставай, вставай, быстрее, ну же». — Самат растормошил меня и сонного вытолкал на улицу.

«Вон, видишь, пыль», — и он указал рукой на дорогу, ведущую в район. «Ну и что, — недоумевал я, — подумаешь, то ли охотники за дичью, то ли конюхи коня объезжают».

Самат, сообразив, что я ничего не понимаю, затараторил: «Это знаменитый председатель крайкома Голощекин, он вместе с Лениным скинул с престола царя Николая, а еще он близкий друг Сталина».

Я посмотрел на него: щеки его пылали, глаза горели, я же пожал плечами, как бы говоря, ну и что из того, все это мы слышим каждый день.

Да и кто не знает Голощекина. Но машина с Голощекиным проехала, не оставиваясь, мимо нашего аульного начальства в другой колхоз. Мы в первый раз увидели автомобиль, который, оставляя за собой клубы пыли, мчался по новой дороге. «Эх, жалко, что не заехали к нам», — протянул разочарованно Самат. О причине его разочарования я узнал позже. Оказывается, он втайне от нас нарисовал портреты Сталина и Голощекина и хотел при встрече вручить Голощекину который обязательно спросил бы у него, чего он хочет. И тогда Самат, конечно же, попросил бы у него бумаги и краски и нарисовал бы нас всех.

Разозлившись на то, что им не выпала удача лично пожать руку Голощекину, наше аульное начальство решило отыграться на нас. Разъяренные тем, что они не удостоились чести посещения высоких гостей, один из начальников, проезжая мимо, стегнул Самата плетью. «Мать твою, сопляк, зови отца своего в контору». Когда Жанпеису попадались на глаза дети, он отчего-то свирепел — и потому вся аульная детвора, завидев его, бросалась врассыпную. Заглядевшись на машину, мы не заметили приближения грозного Жанпеиса и не успели избежать его плетки. Досталось Самату, я же успел отскочить. Но Жанпеис не зря первым кинулся к Самату — с его отцом у него были давние счеты. Отец Самата — аульный учитель. Грамотный, знающий человек, и многие аулчане приходят к нему за защитой от Жанпеиса. Говорят, что друзья учителя занимают в Алма-Ате высокие должности, и потому его побаивается сам председатель. Короче, сплетен об учителе в ауле много. Поговаривают, что он не изжил в себе феодальных пережитков, и что в районе у него есть вторая жена, и что он

японский шпион. От своей старшей сестры Азии я даже знаю, кто распространяет эти слухи. Это все старания Жанпеиса, который во что бы то ни стало решил покончить с учителем. Услышав, что его зовут в контору, учитель быстро оделся и вышел. Его не было долго. Мы с Саматом бегаем во дворе, делаем вид, что играем, а сами то и дело поглядываем на дорогу. Самат вдруг остановился, вздохнул глубоко и сел на деревянный чурбак, служивший стулом: «Камал, боюсь я этого изверга Жанпеиса, об отце ходят всякие слухи».

«Не бойся, ничего у него не выйдет, ведь у учителя в Алма-Ате много друзей, они заступятся в случае чего», — только я проговорил эти слова, как глаза Самата наполнились слезами, и он встал. Я, оторопев, только повторял: «Что случилось, что?» Через некоторое время Самат вытер слезы и, через силу улыбаясь, сказал: «Да, да, у отца в Алма-Ате друзей много». Позже я узнал о причине слез Самата. Оказывается, именно в те дни многих друзей учителя арестовали.

«Отец!» — Самат соскочил с места и бросился навстречу учителю. На учителя было страшно смотреть: он побледнел, лицо его было белым, как бумага, во взгляде его был не гнев, не обида, а какая-то отрешенность, пустота. Он обнял Самата, поцеловал его в макушку и сказал мне: «Камалжан, скажи отцу, — тут он прокашлялся, — передай Касеке, пусть он зайдет к нам, есть разговор».

Отец из дома учителя вернулся невеселый. Они долго о чем-то шептались с матерью, потом отец разбудил меня и велел сбегать за дядей. На заре я проснулся от голоса нагаши — брата матери, голос у него был как из трубы: «Да откуда же мы возьмем, это же просто грабеж. Они что, убить нас хотят». И вправду, через некоторое время нагаши не стало. В голодные годы он с десятком других семей собрался было откочевать на Алтай, но, видно, кто-то донес, их догнали, избили, и нагаши от побоев скончался. Дети разбрелись кто куда, и судьба их неизвестна. Слышал как-то, что в Барнауле живет один из них, да и тот, не предпринимая никаких попыток найти родичей, стал чужаком.

О том, по какому поводу всю ночь не спали родственники, стало известно уже рано утром.

Только было я вздремнул, как слышу крик хромого Сеиткула: «Ну, Касеке, очередь за тобой. Давай свой подарок. Ты, как настоящий большевик, первым будешь сдавать зерно, это для тебя большая честь».

Из кухни донеслось ворчанье матери: «Чтоб тебя разорвало! Какой подарок, ведь все выгребли на днях».

А ведь и в самом деле, несколько дней назад приезжал хромой Сеиткул и увез на телеге все, что положено. Что ему еще надо, непонятно.

Я оделся и вышел на улицу. Сеиткул, конечно, был не один. Рядом с ним председатель Жанпеис, учитель, какой-то неизвестный мне в шляпе и отец. Бедный отец, стоит в замешательстве, мнет шапку и, поглядывая то на Жанпеиса, то на уполномоченного, пытается им что-то втолковать.

Но никто, кроме учителя, не слушает его. Наконец Жанпеис, потеряв терпение, недовольно произнес: «Касеке, вы грамотный, сознательный человек, если вы не понимаете, тогда кто же поймет линию партии. Вот уполномоченный подсказывает нам, что мы должны по традиции нашего гостеприимного народа одарить человека, впервые ступившего на нашу землю, послать дорогой подарок председателю крайкома. Если не поддержать такой почин, тогда грош цена всем нам. Если мы перевыполним норму сдачи зерна, это будет доказательством нашей преданности курсу партии».

При этих словах Жанпеис взглянул на уполномоченного, как бы желая удостовериться, правильно ли он сказал. Тот важно закивал головой: «Отец,

председатель знает, что делает», — с расстановкой, медленно произнес он. «Вы совсем нас обездолить хотите, ведь впереди зима, что с нами будет», — сказал отец, явно сдаваясь.

Учитель молчит, но видно, что он еле сдерживается. Уполномоченный свирепо посматривает на Жанпеиса. Отец, поняв, что эти взгляды ничего хорошего не сулят, бросив на ходу: «Эй, хромой, бери мешок и иди за мной», — направился к дому. Сеиткул, сделав вид, что не расслышал обращения отца соскочил с арбы, взял в руки железную палку, наподобие кочерги, и заковылял следом за отцом. Отец схитрил и выставил сразу три мешка с зерном, чтобы сказать, что это последние. Если и возьмут, то возьмут один. Но я знал, что у нас есть еще зерно, помню, что когда зерно затаривали в мешки, мешков было где-то семь-восемь. Отец с матерью, довольные, говорили тогда: «Слава богу, теперь зима нам не страшна». И вот те мешки, на которые они уповали, придется отдать в качестве подарка.

Уверенный в том, что хитрость его удалась, отец сказал: «Это все, хотите пустить нас по миру, забирайте все, ничего не оставляйте, а по мне, так на подарок и одного мешка хватит». Сеиткул, почуяв, что Жанпеису не нравятся слова моего отца, стал кочергой тыкать в земляной пол сеной. Глядя на побледневшее лицо отца, я понял, что сейчас случится беда. Про себя думаю: «Ну зачем он назвал Сеиткула хромым». Сеиткул, втыкая в землю железную кочергу, каждый раз внимательно рассматривал конец железной палки. Позже я понял, зачем он это делал. Оказывается, палка эта была полая, и если в земле было зерно, то хоть одно зернышко, да застревало в полости железной трубки. Когда Сеиткул вытащил кочергу в очередной раз, стоя в самом дальнем углу, из трубки выкатились зернышки. Он, Сеиткул, чуть не подпрыгнул от радости. Глаза его заблестели, он с торжествующим видом посмотрел на отца. Председатель, сверля глазами отца, прошипел: «За сокрытие зерна тебя бы можно отправить в ссылку, но товарищ уполномоченный прощает на этот раз твою вину», — и посмотрел на человека в шляпе, — дескать, правильно ли я говорю. Уполномоченный еле заметно кивнул. Потом Жанпеис крикнул Сеиткулу: «Вынеси мешки с зерном, грузи живее». Уполномоченный, довольный развязкой, важно изрек: «Товарищи, у нас еще много домов, заканчивайте быстрее». Сеиткул, прихрамывая, потащил мешки к арбе.

Жанпеис бросил на ходу стоявшему в оцепенении отцу: «Касеке, не переживайте, мы не видели, что вы припрятали зерно, и за то, что по своей доброй воле передали в подарок Голошкеину три мешка пшеницы, вам объявляется благодарность».

Уполномоченный и на этот раз важно кивнул головой в знак одобрения.

Таким образом, от колхоза «Жана талап» было передано дополнительно в качестве подарка Голошкеину семьдесят пудов зерна. Сколько слез было пролито, сколько проклятий раздавалось вслед сборщиками — не счесть. В телеграмме за подписями председателя и уполномоченного было сказано, что люди по доброй воле сдали излишки зерна. Довольный уполномоченный увозил в своем портфеле две бумаги. Одна — справка о сдаче зерна, другая — донос на учителя. Вторая бумага решала не только судьбу учителя, которого вскоре арестовали, но и была мрачным предзнаменованием бед и напастей всего аула.

Председатель Жанпеис совсем распоясался. Самата и его мать он переселил в тесную старую землянку, говоря, что семье врага народа не полагается жить в большом доме. В дом учителя въехал хромой Сеиткул. Аулчане, до этого сдавшие весь скот, после подарка Голошкеину, еще до наступления

зимы, стали голодать. Первыми испытали на себе голод Самат и его мать. Оказывается, учитель, чтобы задобрить начальство, сдал всё до зернышка. Отец отсыпал полмешка пшеницы и велел отнести Самату.

Когда я вошел в их землянку, то не узнал мать Самата: до такой степени она исхудала и иссохла. Самат кинулся ко мне, обнял и зарыдал. Вместе с ним заплакала и мать. Сидим втроем и плачем молча, не дай бог, кто услышит, да и донесет, мол, плачут, значит, недовольны Советской властью. Через несколько дней нашу семью, уж не знаю зачем, то ли по производственной необходимости, то ли нарочно, отправили на зимовку, что была в 10-15 км от села. Отец стал пасти колхозный скот. Как-никак, жизнь на зимовке была легче, хотя бы потому, что мы умудрялись тайком надоить кружку-другую молока и, схоронившись, выпить. Зимой снегу выпало много. Каждое утро дверь нашей землянки заваливало снегом, и мать подолгу не могла выйти подоить коров. Чаше всего она будила меня, и мы с ней открывали дверь. Так было и на этот раз. Я толкнул дверь, но, видно, снег утрамбовался, и дверь никак не поддавалась. Я стал потихоньку напирать на дверь, и когда образовалась маленькая щель, выполз на улицу и стал лопатой разгребать снег. Вдруг моя лопата наткнулась на чью-то одежду в снегу. Я попятился и, не помня себя, влетел в дом. Растолкал спящего отца, и мы с ним вдвоем раскопали несчастного. Это был Самат. Видно, бедолага, отчаявшись, решил добраться до нас, но не дошел, не хватило сил. Так, по крайней мере, говорил потом мой отец, когда мы долгими вечерами оплакивали моего бедного друга. Отец поехал в колхоз, чтобы известить мать Самата о смерти сына, но нашел ее безумной. На похоронах сына ее не было.

Пока сошел снег, колхозники «Жана талапа» чуть не умерли с голоду. Кто, оставив родные места, подался вглубь на Алтай и нашел последнее пристанище на дороге, а кто, опухнув от голода, умер дома. И к осени 32 года еле-еле набралось 10-15 дворов, оставшихся в живых колхозников.

Сколько лет ношу в себе этот тяжкий груз, вот рассказал тебе, но от этого боль не убавилась, наверное, только в могиле найду покой. Благодарю небо, что появилась теперь возможность хотя бы говорить об этом.

А в ушах все стоит радостный крик Самата: «Вставай, вставай, Камал, уже приближаются, вот они, вот они, уже близко».

Эх, знать бы тогда, что именно с этих минут под нами нависнет гроза и грянет беда. Но ни Самат, ни я, не подозревая ни о чем, стояли тогда на обочине дороги и смотрели на удаляющуюся в клубах пыли машину.

Диву даюсь: мне, испытавшему лихие годы коллективизации, видевшему и голод, и смерть, почему-то во сто крат тяжелее, даже невыносимо тяжело вспоминать былое. Кажется, пережить все ужасы тогда было легче, чем вспомнить их сейчас. Стоит только закрыть глаза, и память услужливо представляет то одну, то другую картину прошедших дней. Такая боль пронизывает тебя, что гневом и яростью наполняется сердце. Человек все может вынести, ко всему привыкнуть, притерпеться, единственное, что ему не по плечу, — это воскреснуть после смерти.

* * *

Рассказ брата зародил в душе смятение. Я согнулся под тяжестью вопросов, на которые не находил ответа. «Как же это, — думал я, — как после всего услышанного можно верить в то, что наше государство — самое справедливое?»

На зимних каникулах, приехав домой, я пришел к родственнице тете Айкен и попросил ее рассказать о себе, обо всем, что ей пришлось пережить.

— Ну, вижу, что ты не отстанешь от меня. Ладно, так уж и быть, расскажу тебе, хотя неужели дед Косым не обмолвился словом, ведь вы с ним, бывало, подолгу секретничали.

— Нет, апа, он говорил, чтобы я услышал все от вас, а сам ничего не рассказывал.

— Ну что ж, только имей в виду, что эта история касается не только меня одной, и все гораздо сложнее, чем кажется. И зачем бередить старые раны было и былшем поросло. К чему это все? Вот стараются сейчас узнать, как все было, может, это и правильно, кто знает. Только опасаюсь я, как бы опять чего плохого не произошло.

— Нам, тетя, нужна правда, чтобы восстановить справедливость, только и всего.

НОВЕЛЛА

Было нас у отца с матерью трое. Отец был работающим, усердным работником, считался середняком. Угодил под конфискацию. 2-3 коровы, лошадь, с десяток овец были переданы колхозу и розданы беднякам. В один день мать осталась одна с тремя детьми без мужа, без средств к существованию. Она часто говорила о том, что виной всех их несчастий была она, вернее, ее красота. В наших краях был человек по имени Кален, который имел кой-какую власть, он заметил мою мать, решил приволокнуться. Получив отпор, негодая затаил злобу и донес на отца. Сейчас, спустя годы, не знаю, была ли в этом виновата мать, но точно помню, каким непомерным было ее горе, какой тяжкий груз страданий лег на ее плечи.

Когда отца сослали, родственники все реже и реже заезжали в наш дом. Заболел чахоткой и за несколько дней умер старший брат. Хоронил его только хромой пастух Сапар. А вскоре умер и второй брат.

Мать, обезумевшая от горя и страха за оставшуюся в живых единственную дочь, подалась к своей родне. Помню, как она сидела перед родителями и, задыхаясь от рыданий, говорила, что не перенесет моей смерти.

Целый месяц мне давали горячий растопленный жир, как узнала я позже, сурковый. Но я не предполагала, что меня ждет впереди более тяжкое испытание, чем моя болезнь. В 1931 году на нас черной тучей обрушился голод. То, что происходит с людьми, когда они голодают, невозможно описать. Это можно сравнить разве что с повальным сумасшествием. Кое-как перебиваясь, мы с трудом дожили до весны. Раздобыв неведомыми путями мешок пшеницы, бедная моя мать тряслась над каждым зернышком, строго-настрого запретив мне говорить о нем с кем бы-то ни было. Но так как по натуре она была очень доброй, сердечной женщиной, выдала наш секрет именно мать.

Жили мы уединенно и тихо, дни тянулись за днями, похожие друг на друга, как близнецы. Веселья, песен, праздничных застолий как не бывало. Каждый день приносил с собой новость, ужаснее прежней. Когда мать узнавала, что кто-то умер от голода, она бледнела и замирала. Перед сном подходила к мешку с пшеном и, удостоверившись, что он на месте, успокоенная, укладывалась спать. Среди ночи, проснувшись, опять подходила к мешку. Позже я нашла причину ее беспокойства. Человек в отчаянии от осознания своего бессилия, от безысходности, может совершить самые невероятные, самые ужасные поступки, на которые его толкает инстинкт самосохранения.

Человеческая суть проявляется или в момент наивысшего благополучия

или в критических ситуациях. Как, например, чувство голода, которое может заставить его забыть все человеческое.

Мне пришлось увидеть это собственными глазами, когда мне шел четырнадцатый год. Но тогда, голодная, обессиленная, я не удивлялась этому, потому что голод притупляет чувства. Был у нас сосед Мылтыкбай. Детей у него было много, и в хорошие-то времена им жилось несладко, а в голодный год они оказались первыми жертвами. самого старшего, 16-летнего Конарбая, кто-то из аулчан уличив в воровстве, жестоко избил, и он умер у ворот своего дома.

Дочь Маржан от рождения была слабой, хилой, болезненной. Она стала первой, кто умер в нашем ауле от голода. Мы были с ней дружны и часто играли вместе. Мать, не выдержав, в день смерти Маржан подозвала жену Мылтыкбая и отсыпала ей трясущимися руками миску пшена. И теперь через годы неизменно в моем воображении встает одна и та же картина: трясущиеся руки матери, отсыпаящие пшено жене Мылтыкбая.

Бедная моя мать, видимо, чуяла беду и, умом понимая, что этого делать было нельзя, все-таки не смогла пересилить свое сердце.

Но что значит миска пшена для оравы голодных, больных ребятишек? Через день жена Мылтыкбая пришла снова. Мать отсыпала ей, при этом сказав что-то тихим голосом. Когда же соседка пришла в третий раз, мать отказала ей. Сквозь сон я помнила, что она, указывая на меня рукой, с жаром доказывала ей что-то.

Жена Мылтыкбая, опустив голову, поплелась домой, но на пороге, обернувшись, сказала: «Жамал, сама бы я к тебе не пришла, это твой кайнага². Совсем он взбесился. Спрячь мешок подальше, иначе быть беде. Говорят, что люди начали есть человеческое мясо». Как только она ушла, мы с матерью решили перепрятать мешок. Перебрали все места в доме, но куда бы ни прятали злополучный мешок, нам казалось, что его непременно отыщут.

Расстроенные, мы обнялись и долго плакали. Неожиданно мать вытерла слезы, встала и, строго посмотрев на меня, сказала: «Слезами горю не можешь. Не к добру это. Надо что-то делать, давай-ка маленькие мешочки, наполним их пшеном, спрячем в подушки». Когда, довольная затеей матери, я стала ссыпать в мешок остатки пшена, она остановила меня.

«Оставь немного пшена в мешке, подлец не успокоится, пока не отыщет его».

На следующий день умерла жена Мылтыкбая. К вечеру Мылтыкбай пинком вышиб дверь и с налитыми кровью глазами стал кричать на мать. Брызжа слюной, он угрожал ей, оскорблял, требовал, чтобы она отдала пшено.

— Твой хахаль с рваной губой принесет тебе еще. Ведь он, если увидит бабу, последнее готов отдать, лишь бы переспать с ней. А тебе терять нечего, вот и поделись своей добычей со мной, а не то хуже будет.

«Хахаль с рваной губой», о котором говорил Мылтыкбай, был тот самый Кален, который донес на отца.

Мать, спокойно выслушала соседа и с трудом, опираясь на меня, поднявшись с места, сказала: «Пусть мы сдохнем с голоду, живи, шакал». Она бросила мешок с остатками пшена Мылтыкбаю под ноги и, упав ничком, зарыдала. Мылтыкбай, сверля ее глазами, молча стоял некоторое время, потом подхватил мешок и со словами: «Ну, погоди, сука, дожدهшься ты у меня», — вышел, переваливаясь с ноги на ногу.

Мать встала, пошла ко мне и, расцеловав, сказала, что скоро приедет отец и все будет хорошо. «Двоих я не уберегла. Если с тобой что-нибудь случится,

² Кайнага – деверь (пер. с каз.).

какими глазами я посмотрю на твоего отца. Когда он вернется, Мылтыкбай даже встать рядом с ним не осмелится. Это он сейчас хорохорится. Пользуется тем, что его нет. Поэтому ты должна потерпеть». Я слушала мать, а сама вспоминала старшего брата Ербола. Эх, если бы он был жив, разве посмел бы мерзавец Мылтыкбай переступить порог нашего дома.

Мать, как бы угадав мои мысли, вздохнула: «Ерболу в этом году исполнилось бы 17». И не знаю, сколько времени мы сидели с ней, обнявшись, в потемках. Потом мама встала: «Этот проклятый Мылтыкбай сбил с панталыку. Ведь я сегодня принесла для тебя мяса». С этими словами она вытащила из-под одеял небольшой сверток. В нем оказался кусок мяса, настоящего мяса. Мы и забыли, когда ели его в последний раз. Вскоре закипел чугунок, и по дому поплыл аромат свежего мяса. Когда еда была готова, мать достала откуда-то большой кусок хлеба. В душу мою закралось подозрение. Откуда такое богатство? Мать, поймав мой взгляд, сказала: «Помнишь, у отца был русский друг — Матвей? Сегодня повстречала его — оказывается, он все о нас знает. Мясо и хлеб тебе передал он. Обещал осенью еще и мешок муки подбросить».

В этот вечер мы долго сидели за столом. Вспоминали прошлое, рассказывали друг другу всякие веселые истории. Я как могла, расхваливала друга отца Матвея, которого, может быть, и видела раньше, да не могла вспомнить.

У матери было замечательное красное платье. Она вытащила его из сундука, надела. Я вскочила с места и, подбежав к ней, расцеловала ее со словами: «Какая ты у меня красивая».

Но к утру радость наша улетучилась. У Мылтыкбая от голода умер еще один ребенок. Люди стали откочевывать на юг, на сытные хлеба. Кален, уполномоченный, тот самый, о котором говорил Мылтыкбай, гонялся по всей степи за ними, загоняя обратно в аулы. Я сидела дома, закрывшись на замок, и с нетерпением ждала возвращения матери с работы. Участились случаи, когда люди ели человеческое мясо. Однажды мать пришла домой раньше обычного. Не раздеваясь, упала ничком на кровать и долго плакала, сотрясаясь всем телом. Оказалось, что кто-то подбросил председателю колхоза анонимку, почему, дескать, жена врага народа работает в колхозе.

До смерти перепуганный председатель тут же взял на место матери женщину из числа переселенцев. Вот когда я почувствовала, что голод стоит у порога дома. А тут еще новая напасть. Как только зашло солнце, в дверь стал ломиться Мылтыкбай: «Сука, слышишь, открой дверь, а то я изрублю топором ее в щепы». Для вящей убедительности, должно быть, он еще постукивал топором о косяк двери.

«От этой скотины, видно, деваться некуда. Придется открыть».

Как только мать отворила дверь, в комнату ворвался Мылтыкбай и, оттолкнув грудью попятившуюся мать, направился ко мне. «Не стой на дороге, сука. Твоя дочь в самом соку. Я сам решу, что мне делать: или бабой своей сделаю, или свежатины отведаю. Все равно подыхать нам. Но вы сдохнете раньше меня». С этими словами он схватил меня за руку и потащил к выходу. Мать бросилась ему под ноги.

«Прошу тебя, ради всего святого, не трогай мою дочь, мою кровинушку». Она, обхватив руками сапоги Мылтыкбая, не давала ему идти. Мылтыкбай обухом топора ударил ее по спине, с остервенением пнул распростертую у его ног женщину. В порыве отчаяния мать, не замечая боли, продолжала умолять негодяя: «Ну подожди хотя бы до завтра, утром я приведу ее тебе сама. Дай хоть проститься мне с ней, собрать вещи. Ведь и у тебя есть мать, неужели ты не понимаешь меня?»

«Завтра, кто же знает, что будет завтра. Может, я ночью ноги протяну». Тогда мать, вскочив, бросилась к кровати и, распоров подушки, стала бросать ему мешочки с пшеном. Успокоенный, Мылтыкбай собрал их и сказал: «Ну, ладно, будь по-твоему, если вздумаешь кому-нибудь шепнуть, тебе несдобровать. Я ни перед чем не остановлюсь». Когда наш мучитель ушел, мы хотели закрыть дверь, но оказалось, что, уходя, он сам запер нас на замок.

Мы собрали в дорогу некоторые наши пожитки, остатки съестного, одежду и, разбив окно, прячась от людских глаз, не останавливаясь, бежали по дороге, ведущей в город.

«Моей вины перед твоим отцом нет, дочка. Теперь нам надо добраться до города, там найдем работу и будем жить. Только бы нам удалось найти пристанище».

Через двое суток мы добрались до города. Долго ходили по родственникам, просясь на ночлег, но везде нам отказывали. Последний, к кому мы зашли, старик Нуридин, покачал головой и сказал: «Ну, что же, хорошо, сношенька, что уберегла ты дочь. Пусть остается у нас. Пока я жив, никому не дам в обиду. Наше житье-бытье незавидное, сама видишь. Ты молодая, как-нибудь прокормишься сама. Вот такое решение, милая».

«Ата, спасибо. Мне больше ничего не надо. Разрешите только изредка навещать ее. А для меня в городе работа, думаю, найдется».

«Э, дорогая, сейчас работу трудно найти. Но ты же умница, что-нибудь придумаешь».

Так началась моя жизнь в доме аксакала Нуридина, который доводился родным дядей моему отцу. Это были хорошие, сердечные люди. Кормильцем был и сын, который работал грузчиком на пристани. Иногда заходила бедная мама, с темными кругами под глазами, опухшим от голода лицом. Вдруг она пропала на целую неделю. И однажды дедушка Нуридин рано утром нашел мать, лежащую без признаков жизни у ворот дома. «Не выдержала, бедняжка, умерла от голода, — сказал Нуридин-ата, закрывая ей глаза, — тело еще теплое, старуха, выправь-ка ее».

Слез не было. Положили мы маму в сени, поправили все как надо, я обхватила голову моей бедной матери руками, прижалась к ней. Не помню, сколько времени прошло. Очнулась от старухиных слов: «Эй, старик, уведи ее, напугалась ведь, бедняжка, сердце у ней как бы не стонулось с места». Беда не приходит одна. Только похоронили маму, сын старика получил травму и слег в больницу. Говорят, надорвался, когда поднимал тяжелый мешок. Касенгазы (так звали его) долгое время лежал в больнице, потом его отправили в дом инвалидов. Позже он женился, обзавелся семьей, у него появились дети.

Все, что копили старики на черный день, растаяло в одночасье. Теперь работа о них легла на меня. Оказывается, живой человек со всем может смириться, со всем свыкнуться. Старуха отвела меня к татарам в услужение. Вечером хозяева отдали мне остатки еды, тем мы и жили. Старуха все твердила мне о том, что я должна терпеть и, что бы ни случилось, смириться. Вскоре я поняла, почему старуха так настойчиво вбивала мне в голову это. Однажды хозяин, сорокалетний рябой мужик, затащил меня в сарай и изнасиловал. Только тогда до меня дошел смысл слов старухи. И, стиснув зубы, я покорилась.

Как-то раз жена рябого застала нас вместе. С воплем и проклятиями, схватив меня за волосы, выволокла за ворота и заперла двери. Но этого ей показалось мало. Пока я, стоя в оцепенении, решала, что же мне делать, калитка отворилась, и я увидела, что она направляется ко мне с раскаленной докрасна

кочергой. Я бросилась бежать от нее, стараясь, чтобы она не дотянулась до меня. Но ей непременно хотелось изуродовать, изувечить меня.

«Я сделаю так, что на тебя, шалаву, ни один мужик не посмотрит», — кричала она, размахивая кочергой.

Не знаю, чем бы это все закончилось, не вступись за меня хозяин: он выхватил из рук жены кочергу и закрыл ее в доме.

«Умру, а не переступлю порог этого дома», — решила я про себя и пошла куда глаза глядят. Несколько дней я жила на улице, ночуя, где придется, с такими же, как я, бездомными. Кормились объедками. Ну а что было потом, об этом ты, наверное, знаешь от бабушки Косыма.

Вот уже три года прошло, как его нет. При жизни он сердился, если я начинала вспоминать свое прошлое. Видно, не хотел, чтобы я растревляла себя. А сейчас, видишь, наоборот, об этом стали говорить в открытую. Если бы Косым ата дожил до этих дней, сколько бы он мог рассказать.

* * *

Да, Косым ата унес с собой в могилу правду о тех страшных голодных годах, но вот историю Айкен апа он успел мне рассказать.

«Давным-давно, в незапамятные времена, когда возвратились сыновья наши с великой победой, началась большая беда. У этой беды было грозное имя — голод».

Я смотрел на него с удивлением, пытаюсь обнаружить на его лице следы розыгрыша. Косым ата, искоса взглянув на меня, сказал однажды: «Тебе кажется странным, наверное, что хочу поведать тебе о самом страшном, а начинаю рассказ, как сказку. В те годы скончался мой отец. Он умер не только от голода. С одной стороны, он был серьезно болен, а с другой — не мог спокойно видеть страдания людей. Он был, как это вы называете теперь, писателем. После него остался сундучок с рукописями. Родственники, боясь, как бы чего не вышло, сожгли их. Но в народе помнят его как рассказчика. Даже сохранилось выражение: «Так сказал Сеит».

Перед смертью он подозвал меня к себе, шутил, смеялся. В конце сказал: «Сынок, дай срок, придет время правды. Тогда ты, вспоминая прошлое, начинай свой рассказ так: «Давным-давно, в стародавние времена». Ведь жизнь — это сказка, а не истина. Наша жизнь порождена чьей-то фантазией, чьей-то забавой, великая истина не дошла еще до нас, а вот когда она придет, никто не поверит, что мы пережили такое. Им все это будет казаться сказочным, невероятным. Поэтому прошлое пересказывают, как сказку». Так говаривал, бывало, мой отец, светлая ему память.

Вот и я ухожу из жизни, не дождавшись прихода великой правды, поэтому и моя жизнь — это сказка. Косым ата действительно не дожил до сегодняшнего дня, когда можно рассказать обо всем открыто, не таясь. Но вот один из его рассказов о былом.

* * *

Жили мы в городе. Отец работал на пристани грузчиком, я разнорабочим на мясокомбинате. Мне семнадцать. Как-то пошли мы с отцом на базар прикупить кое-чего из продуктов. Долго приценивались, торговались, наконец купили полмешка картошки и заторопились домой. У ворот базара мы стали свидетелями такой сцены. Надо сказать, что в те годы мертвецов на улицах было полно. Все настолько свыклись с этим, что, случалось, даже перешаги-

вали через труп, вовсе не замечая его. Была специальная похоронная бригада, которая собирала трупы и закапывала их за городом. Они стаскивали мертвцов в одну кучу, потом штабелями складывали в телегу.

Когда один из похоронной бригады схватил за ноги очередную жертву, отец вдруг закричал: «Не трогай ребенка», — и бросился к трупу. Эта была девочка лет тринадцати. Платье ее задралось, обнажив истощенное тельце. Отец оттолкнул могильщика и, бережно подняв с земли девочку, собрался было положить ее на телегу, но, заметив, что она дышит, решительно отошел с ней ко мне.

«Эй, старик, — закричал на отца милиционер, стоявший поодаль, — положи труп на телегу».

«Она еще дышит, девочка жива. Отвезу ее домой, может, выживет».

«Это ты брось. Если еще не умерла, умрет по дороге, или когда закопают».

«Ах, ты скотина, вместо этого ребенка тебя бы закопать», — закричал отец, сверкая глазами.

«Ах, вот ты как. Ну, тогда получи. На тебе за скотину, на тебе, на тебе!» — толстый милиционер стал хлестать плеткой отца. Не помня себя, я подскочил к нему, вырвал из рук плетку и выбросил.

«Ну, подожди, сгною вас обоих в тюрьме», — проскрежетал зубами толстяк.

«Пока ты сгноишь меня в тюрьме, я тебя здесь кровью умою, убирайся, пока цел», — сказал отец, чеканя слова и глядя ему в глаза. Подхватив свои полмешка картошки, с девочкой на руках, возвратились мы домой.

Что долго рассказывать, мать выходила бедняжку, поставила ее на ноги. Ты, наверное, уже догадался, это бабушка Айкен, мать твоих друзей Аскара и Болата. Когда девочка пришла в себя, она рассказала обо всем Косыму и его жене. Они отправились к Нуридину, но было уже поздно: и он, и его старуха лежали мертвые дома. Некому было их похоронить. Зубной врач Нурым, который часто бывает у нас, внук Нуридина и сын Касенгазы.

Вот что осталось у меня в памяти от рассказов взрослых.

В прошлом году не стало Айкен апы. Как она сама любила выражаться, «позаметало стежки-дорожки».

И неужели все это, как говаривал в своей присказке Косым-ата, было и быльем поросло.

И надо ли хранить в памяти рассказ Айкен апы? У меня нет на это ответа.

Но то, что была страшная беда, — это правда. Как верно и то, что многое заросло травой забвения.

Дед Косым замолчал и погрузился в раздумья. Я тоже задумался, вспоминая, как в школьные годы мы с выражением твердили бездумно заученные строки: «Горький пот, струясь, рассекает скалы, дробит камни». Теперь я с сожалением смотрю в те годы, и мне жаль себя. Причин тому много, и мы только сейчас начинаем все осознавать. В памяти всплывает рассказ старика Бейсена о тех годах.

НОВЕЛЛА

В детстве мы заучивали наизусть очень много стихов, которые нравились нам своим чеканным ритмом, очень легко запоминались, и смысл их был прост и ясен. Одно из них почему-то чаще других приходит мне на ум. Это стихотворение одного известного поэта под названием «Турксиб».

Помню, что там прославлялась поэтика тяжелого труда рабочих, строивших железную дорогу. В стихотворении были такие строки:

Горький пот разбивает камни,
Рушит горы, стекая в долины.

Сейчас эти образы навевают ужас, а могли ли мы тогда, будучи детьми, ощущать их подлинный зловещий смысл? Ведь это не камни разбивались, и не горы рушились, а под гигантским прессом перемальвались человеческие души.

Но мы были детьми и радостно и звонко скандировали:

Горький пот разбивает камни,
Рушит горы, стекая в долины.

И седая старуха с безумным взглядом, вечно всклокоченными прядями волос, выбивающимися из-под платка, которую все почему-то звали Турксиб-апа, не привлекала моего внимания, и, встречая ее, я проходил мимо, и не было до нее никакого дела.

Помню только, что моя мать, увидев старуху, совала мне в руки узелок со снедью, кой-какой одеждой и говорила: «Беги, сынок, отдай несчастной, и аллах вознаградит тебя, и от нее получишь благословение». Но старуха никогда не выражала благодарности, а только, пристально глядя мне в глаза, спрашивала: «Ты видел Айман, Шолпан? Видел? Ну, говори скорей».

Когда я рассказывал об этом матери, она, вытирая слезы уголком платка, говорила: «Горемыка бедная, ведь это две дочери, две дочери было у нее — Айман и Шолпан».

Почему моя мать так расстраивалась, когда речь заходила о безумной старухе, я не знал, а спросить — все как-то не было времени, и эта тайна оставалась для меня неразгаданной долгие годы. Но время шло, мало-помалу жизнь налаживалась, в магазинах, кроме мяса, масла, появились халва, колбаса.

Теперь редко когда можно было увидеть нищих, просящих подаяние. Говорили, что будто бы их всех власти собрали в один дом, и они живут там на всем готовом. И Турксиб-апа тоже, видимо, была в таком же заведении, что-то уж долго ее не было видно в нашем селе. Но вот недавно она появилась снова. Маршрут ее был известен — она обычно брела по железной дороге, переходя то на правую, то на левую сторону. Шагала она только по рельсам, не боясь, что ее может задавить поезд. Машинисты, увидев ее издали, давали сигнал, и Турксиб-апа с дороги и ждала, не отрывая взгляда от колес, пока состав пройдет, так продолжалось и летом и зимой, и все привыкли к этой картине и к ее вечным вопросам об Айман и Шолпан.

Родственников у Турксиб-апы здесь не было — сама она была пришлая, муж ее давно умер. Старуха жила здесь у дальних родственников. По правде сказать, она жила не в доме, а в чуланчике, специально сооруженном для нее.

Зимой она сама топила печку, а ела что придется.

Но чаще всего ее можно было увидеть бредущей по рельсам. В сильные морозы машинисты подсаживали ее в кочегарку, отпаивали чаем, кормили. Была она кроткого, тихого нрава, и не было человека, который мог бы ее обидеть, не пустить в дом, обругать.

Но у меня в памяти остался один неприятный случай. С тех пор как люди, оправившись от невзгод, зажили чуть богаче, в отношениях между ними появ-

вился некий холодок. Первым вестником было то, что несколько аулчан, построив добротные дома, огородили их высоким забором.

А Матвей и Куспан переплюнули всех, обнеся свои заборы колючей проволокой. Один из почитаемых аксакалов аула Бейсен, не стерпев, сказал им в сердцах: «Не к добру это, сынки, уберите проволоку».

«Бейсеке, да вот мальцы покоя не дают, стаскали уж все помидоры и огурцы в огороде», — оправдывались они, указывая на нас. Что там они еще говорили, не знаю, но проволоку Куспан и Матвей вскоре убрали. Проволоки не стало, но холодок отчуждения в отношениях между людьми нарастал.

Вскоре в ауле произошло еще одно знаменательное событие: Куспан купил легковую машину «Москвич». Машина была просто чудо, вся сверкала и переливалась.

Эх, думали мы, посидеть бы хоть немного в этой машине. Неожиданно наша мечта исполнилась.

Как-то мать, сунув мне в руки узелок, опять послала к безумной старухе. По дороге встретил Сергея, сына того самого Матвея, и спросил, не видел ли он, где Турксиб-апа. Сергей, ухмыльнувшись, потащил меня к дому Куспана: «Пойдем, пойдем, покажу тебе и Турксиб-апу, и кое-что поинтересней».

Хозяева, видно, были заняты обедом. «Москвич» же, сверкающий «Москвич» стоял во дворе. В машине кто-то был. Я заглянул в окно: Турксиб-апа сидела на заднем сиденье и что-то искала, переворачивая все вверх дном. Мы с Сергеем уселись впереди. Я схватился было за руль, хотел подрулить, но нечаянно задел сигнальную кнопку. Из дому выскочил разъяренный Куспан и, матерясь, костеря нас на все лады, выгнал из машины.

Мы остановились невдалеке, ожидая, что же будет со старухой, которая, не обращая внимания на Куспана, продолжала что-то искать.

«Старая карга, пора бы тебе и на покой, а ты все еще небо коптишь, а ну вылазь из машины».

Старуха даже не взглянула на Куспана, расвирепевший хозяин, схватив ее за плечи, выволок из машины и, как в боксерском поединке, кулаком ударил ее в челюсть. Бедняжка, отлетев на приличное расстояние, ударилась оземь. Куспан было подскочил к ней, желая продолжить расправу, но тут на крики прибежала его жена: «Ты что, очумел, не видишь, она же больная». С этими словами она приподняла старушку, вытерла кровь.

Дальнейшие события мы уже не наблюдали, поскольку предпочли улизнуть от греха подальше. О случившемся я никому не рассказывал, наверное, оттого, что чувствовал себя виноватым. Сергей же, сдерживая слезы, все повторял: «Жалко бабушку, она ведь ни в чем не виновата».

Мы молча разошлись по домам. Матери я соврал, сказав, что не нашел старуху.

Да, видимо, прошлое нельзя ни с чем сравнить. Оно как миг — промелькнет, и нет его. Порой и вся жизнь твоя кажется одним всполохом молнии. Я окончил школу, стал студентом. Наступило лето, на каникулах я возвратился домой. В ауле ничего не изменилось, все осталось по-прежнему. Когда проходил мимо дома Куспана, то заметил, что некогда крепкий забор покосился, доски прогнили, ссохлись. Через дыру в заборе я заглянул во двор. «Москвич» стоял на месте, но это был уже не тот, сверкающий краской и никелем, а порядком облупившийся, с вмятинами на боках.

Пришел домой, а мать с отцом чем-то расстроены. Перекинувшись со мной парой слов, мать сказала, как бы извиняясь: «Сынок, ты устал с дороги. Попей чаю, а потом сходи с отцом, привези Турксиб-апу, говорят, она горемычная,

умерла, лежит на железнодорожном полотне». И привычным движением стала вытирать глаза уголком платка.

«Да пей чай, а я пока поговорю с Куспаном насчет машины, а то совхозные на току», — сказал отец, поднимаясь.

Я хотел было рассказать о том давнем происшествии, замешкался и промолчал. Отец не заметил моего замешательства и быстро вышел из комнаты.

«У покойницы был единственный деверь, да переехал он. Увез ее насильно, но она все равно пришла к нам и с тех пор жила у нас», — вытирая слезы, сказала мать.

Я сел за стол, но кусок не лез в горло. Вышел на улицу, а там уже отец садится в машину Куспана и зовет меня. Я сел на заднее сиденье. Едем вдоль железной дороги. Где-то через 5-6 километров мы увидели кучку людей.

«Вот, кто-то уже пришел», — сказал отец.

«Железнодорожники», — сказал Куспан. Я молчу. Чувствую огромную слабость. Я никогда не видел мертвого человека, и теперь меня мутит.

Отец, видимо, почувствовав мое состояние, обернувшись, сказал: «Оказывается, здесь есть кому помочь, возвращайся домой, сынок».

Дважды говорить ему не пришлось. Я тут же выскочил из машины и как на крыльях помчался к дому. Объяснил матери, в чем дело, и принялся уплетать за обе щеки.

«Ах ты, бедный мой сын, совсем это ученье тебя съело, смотри скулы — как бритва, ими же резать можно». С этими словами мать обняла меня и поцеловала. Гляжу — у нее глаза, как всегда, на мокром месте.

«И в кого ты у нас, мама, такая плакса уродилась», — говорю я шутя.

«Как вспомню, сынок, свою сестрѐнку-близняшку и смерть ее страшную — так слезы сами и льются. Бедняжка, то ли от голода помутился у нее рассудок, то ли с отчаяния, хотела достать дохлого воробья из колодца, да и потонула. Диву даюсь, как я-то жива осталась. И за это благодарна Всевышнему».

Это был первый рассказ о Великом Голоде, услышанный мной. Что это за голод такой, думал я, и разве могло быть такое в советское время. Да и в учебниках об этом ни полслова. Разве вся история — не сплошные победные пятилетки? И если было, то в какой пятилетке? На мои расспросы взрослые отвечают уклончиво.

Считаю про себя: «первая пятилетка, вторая пятилетка, третья пятилетка... и вот и война...»

На лекции по истории мой сосед Серик, немного старше нас, слушая преподавателя — маленького, с округлым брюшком, с лысиной во всю голову доцента, который в это время рассказывал с пафосом о победной поступи пятилеток, вдруг перебил его вопросом: «Скажите, а в какой из этих победных пятилеток казахи умирали с голода?» Помню, преподаватель, брызжа слюной, тучей налетел на Серика: «Кто тебе об этом сказал, говори!»

Похоронили Турксиб-апу мы всем аулом. Никто не плакал. Только моя мать несколько раз углом платка утирала глаза.

После похорон все собрались у нас. Пошли разговоры о том о сем. Заговорили и о политике. Кто-то хвалил Хрущева, кто-то ругал его на чем свет стоит. Потом разговор перекинулся на старуху Турксиб.

— Эх, жизнь собачья, некому будет и молитву почитать по покойнице.

— А почему не известили ее деверя?

— У него тоже положение незавидное. Разве не он застрелил свою единственную кобылу, чтобы не отдавать ее в колхоз?

– Потому и переехал он отсюда.

– Только-только начали становиться на ноги, а тут опять все забрали подчистую.

– Конечно, мало кому это понравилось, а что делать, пришлось смириться.

Учетчик Хисмет, недавно переехавший в наше село, спросил: «А почему старуху называли Турксиб-апа?»

Старик Бейсен глубоко вздохнул: «Эх, Хисмет, были лихие времена, когда мы и самих себя чуть не потеряли, не только имени, данного при рождении. Я знал несчастную еще с той поры, когда она молоденькой невесткой приехала в наш аул. Очень пригожая да ладненькая была, имя у нее было звучное, под стать ей – Айша».

Я не мог себе представить, что старуху с всклокоченными волосами звали Айша. Я вспомнил свою сокурсницу – Айшу. Как говорит моя мать, писаная красавица. Как увижу ее, так сразу пот прошибает, теряюсь, не знаю, что сказать. Девушка, по-моему, догадывалась о моих чувствах к ней. Ну, ничего. Доберемся и до нее. А пока я уселся поудобней и не сводил глаз со старика Бейсена в надежде услышать рассказ о Турксиб-апе.

Но разговор никак не начинался. Все молчали и думали каждый о своем. Украдкой поглядываю на отца. Он не проявляет никакого интереса к этой теме, смотрю на других – то же самое.

Похоже, что собравшиеся не намерены говорить о жизни старухи Турксиб.

Я стал беспокоиться, что так и не узнаю правды. Вся надежда на Хисмета, если он как-нибудь не заставит стариков заговорить о старухе – все пропало.

И Хисмет, будто прочитав мои мысли, сказал:

«Да, Баке, так вы сказали, что покойницу звали Айшой?»

Всем стало ясно, что Хисмета надо уважить в его желании. Ведь он хоть и недавно в селе, но зато человек нужный. С тех пор как отобрали весь скот, у людей одна надежда – зарплата. А зарплату начисляет Хисмет.

«Сама-то Айша родом из Павлодара, там есть такое местечко Арбиген, отец был известным богачом в тех краях. Почувяв надвигающуюся угрозу, он поспешил скорее сбыть дочку с рук. Зять его Темиркожа был шустрым малым, промышлял тем, что возил товары с Китая. Но однажды не вернулся. То ли убили его на границе, то ли подался в банду. Были и такие разговоры, что он был шпионом китайским. В общем, пропал человек, и нет его.

При муже Айше жилось хорошо, но вот она осталась одна с двумя девочками-близняшками – Айман и Шолпан, и начались для нее мытарства. Сколько унижений, боли, страданий беззащитная женщина, оставшись без мужа, перенесла – бог весть. Да и не только она одна. Сколько в то время появилось вдов, сирот, за которых некому было вступить, и потому обидеть их мог каждый, кому не лень. Кому пожалуешься, у кого искать защиты?

Мне кажется, именно с тех пор появилась в народе какая-то пугливая забитость, обреченность. Выжить любой ценой, но лишь бы выжить – эта мысль заставляла людей беспрекословно подчиняться, быть послушными исполнителями чужой воли, и хоть настали потом лучшие времена, но однажды впад в такое состояние, люди заметили, что так легче жить.

Представить себе те страшные годы – и мурашки по спине, но, наверное, во сто крат страшнее все это испытать на собственной шкуре, самому пройти через все муки ада.

Обезумевшие от голода люди стали поедать друг друга. Айша ужасалась при мысли, что ее крошек могут выкрасть, и от отчаяния и безысходности

решилась принять смерть вместе с дочками. Дом их стоял неподалеку от железной дороги. Айша связала девочек по рукам и ногам и легла вместе с ними на рельсы. Перепуганные девочки визжали от страха и плакали, но вскоре все трое оказались под колесами проходящего поезда. Айша готова была умереть, да, видать, в последнюю минуту все же успела пригнуть голову ниже. Когда поезд прошел и все стихло, оказалось, что погибли только девочки. Когда Айша открыла глаза, то ее взору открылась ужасная картина: в луже крови лежали ее малютки, ее дочурки, а она осталась жива. Всевышний сохранил ей жизнь, но рассудка лишил. С тех пор и бродит как неприкаянная по шпалам Айша и ищет, зовет своих ненаглядных дочек. Прошли те кошмарные годы, люди стали приходить в себя, в человеческих отношениях опять появились доброты, отзывчивость на чужую боль и страдание, но каждый, кто видел Айшу, считал своим долгом напоить и покормить ее.

Прежней Айши уже не было, теперь эта была старуха с глубокими морщинами на лице, седыми всклокоченными прядями волос, развевающимися на ветру.

Скоро и имя ее настоящее было забыто, стар и млад стали называть ее Турксиб-апа. С этим именем она и умерла».

Старики повздыхали, поговорили о том, что душа бедной старухи Турксиб, если даже не будет в раю, но в ад точно не попадет. Прочитали успокоительную молитву, сказали «аминь» и разошлись.

* * *

Хоть и говорил старик Бейсен медленно, не торопясь, выбирая слова и делая паузы, я многого не понял. Например, что такое голод, как он начался, почему вдруг не стало еды. А куда девалось добро, отнятое у баев?

Приехав после каникул в город, я посоветовался с Сериком и решил поведать о Турксиб-апе нашему доценту, который преподавал у нас историю партии, и выпросить у него о голоде. Если уж неграмотный Бейсен знает, что такое голод, то ученый и давно должен знать. И почему доцент до сих пор не рассказал нам об этом? Ведь наука на то и наука, чтобы знать обо всем, что произошло, и тут не должно быть каких-то тайн и недомолвок.

Я всего-навсего хотел знать правду и постараться понять, что было раньше, понять, откуда пришла такая беда к людям. Я и подумать не мог, что и нас ожидают впереди лихие времена. Тогда же была осень 1969 года.

* * *

Я знаю человека, который воочию видел, как начинали строить социализм. Человек этот — мой дед Есим. В 1914 году, когда началась первая мировая война, его забрали в армию. Но на фронте казахам оружия не давали, а направляли на тыловые работы, рыть окопы. Народ был недоволен, повсюду стали вспыхивать восстания. В Тургае руководителем восстания был Амангельды Иманов, на юге Бекболат Ашекеев. В отечественной истории эти события получили название национально-освободительного движения.

Об одном таком трагическом событии была написана повесть Мухтара Ауэзова «Лихая година», в основу которой были положены события, вошедшие в историю как восстание албан.

Керенский, глава Временного правительства, говорил, что брать казахов на тыловые работы не было особой нужды.

Я долго расспрашивал деда Есима о том, как все было. Меня интересовали любые подробности, потому что я пытался представить, как все было на самом

деле. Однажды, кажется, я тогда учился в 8-м классе, дед Есим рассказал одну историю, героем которой был человек по имени Алихан. Тогда, конечно, я не знал, о каком Алихане идет речь. Дед всегда произносил его имя с почтением и называл его «торе».

Для меня же торе — враги народа. Как нас учили тогда, торе были против Ленина, они вели подрывную деятельность против Советов, хотели уничтожить власть большевиков. Дед же, напротив, рассказывал о торе Алихане с необыкновенным почтением, и никто из окружающих не возражал ему, не опровергал его слов. И хотя я относился к слову «торе» враждебно, мне нравилось слушать рассказы деда.

По царскому указу 1916 года его мобилизовали и отправили на окопные работы. Фронт тогда проходил где-то на линии Минска.

НОВЕЛЛА

Мобилизованные — одна молодежь. Днем роем окопы, вечером собираемся в бараке. Разговариваем, поем песни, вспоминаем родные края, стараемся поддержать друг друга. Большинство из нас родом из Семипалатинска, остальные из Актюбинска. Разделились на группы по 10 человек, в каждой группе выделили старшего. Я — старший одной из групп. В наши обязанности входила забота о слабых, больных. Кроме того, старшие держали связь друг с другом. Рыжеусый Михаил, наш конвоир, знает об этом и не вмешивается в наши дела. У него маленькие злые глаза, он отлично говорит по-казахски, и, похоже, среди нас есть его осведомитель, но нам нечего бояться — какие у нас могут быть тайны.

Старший группы мобилизованных из Аягуза — Богембай. Богатырского телосложения, высокий, широкоплечий. Он участвовал прежде в спортивных состязаниях. Кроме того, у него был сильный, красивый голос, он превосходно играл на домбре. По характеру был очень добр и справедлив.

Мы часто говорили с ним по душам, и он, бывало, все говорил: «Вот, погоди, Есеке, вернись домой, женюсь и приглашу тебя на свадьбу».

В десятке Богембая находился его родственник Касенгазы. Хилый, щедущий, он быстро уставал и часто получал зуботычины от конвоира. И давно бы уже загнал его в могилу рыжеусый Михаил, если бы не заступничество Богембая.

Дело было за ужином. Среди звяканья ложек и чавканья вдруг началась суматоха. Оказывается, когда сосед куда-то на минуту отлучился, Касенгазы быстро съел его порцию. Вернувшийся на свое место сосед обнаружил, что его ужин съеден, и, бросившись на Касенгазы, стал душить его. Если бы не Богембай, несчастный бы отдал богу душу.

Разозлившись на недостойный поступок родственника, Богембай, взяв его за шиворот, занес было кулак, но увидев умоляющее лицо Касенгазы, его часто-часто моргающие глаза, опустил руку и, сказав печально: «Эх, ты, слабак», отошел прочь.

Свой ужин он отдал соседу Касенгазы, оставшемуся без еды. С того дня я заметил, что Богембай стал отдавать половину своей еды Касенгазы. А тот, не моргнув глазом, съедал все без остатка.

Что говорить, в конце концов, этот бедолага Касенгазы и явился причиной смерти своего покровителя.

Как-то вечером после ужина Богембай полулежа, играл на домбре, мы,

разморенные, устало подремывали. В это время в шалаш вошел разъяренный, как бык, конвоир Михаил и с криком: «Ах, сволочи, вы еще петь вздумали», — прошелся плетью раз-другой по спинам отдохавших джигитов.

Богембай, вскочив, вырвал плетль из рук Михаила.

«Михаил, ведь я тебя просил не распускать руки», — сказал он сердито. Михаил, струсив, сразу же присмирел: «Послушай, Богембай, беда. Я только что посчитал — не хватает одного лома». Наступила тишина. Да, прав Михаил. Офицер, вручавший нам орудия труда, предупреждал: «Это ваше оружие, если у солдат оружие — винтовка, у вас — лом. Если солдат потеряет винтовку — расстрел на месте, если кто-нибудь потеряет лом — того ждет такое же наказание».

Богембай сказал: «Не шумите. Сейчас каждый возьмет свой лом и станет в ряд». Оказалось, что лома нет у бедолаги Касенгазы.

«Ах ты, сволочь», — взревел Михаил и, подскочив к нему, стал бить его.

Мы стоим и молчим. А что делать, виноват Касенгазы. Наконец Богембай не выдержал и сказал конвоиру: «Ну, все, хватит, достаточно».

«Как ты можешь так говорить, Богембай, ты же знаешь, что меня отправят теперь на фронт?»

Все было ясно. Днем Касенгазы оставил свой лом в окопе. Сейчас там идет бой. И неизвестно, кто в окопе — наши или немцы.

Рыжеусый Михаил стал пинками выгонять сидящего на полу Касенгазы: «Иди, сволочь, за ломом».

Обхватив руками его ноги, несчастный Касенгазы стал, плача, целовать носки его сапог. «Ох, несчастный, и умереть достойно не можешь», — в сердцах бросил Богембай и, отшвырнув плачущего Касенгазы в мою сторону, вышел из барака. Мы сообразили, что он отправился на поиски лома, и выбежали следом, но он уже скрылся в темноте. Мы стали ждать Богембая. Через час-полтора откуда-то донесся его слабый голос. Богембай звал меня. Я вскочил и побежал навстречу. Богембай, держа в руках лом, грязный, мокрый, медленно полз ко мне. От него исходил какой-то сладковатый, приторный запах. Я понял, что он тяжело ранен. Тут подбежали остальные, подхватили Богембая на руки и понесли в барак. В бараке подогрели воду, помыли его, перевязали раны. Богембай был без сознания, наверное, потерял много крови. На бедре была колотая рана. Проткнули, видно, то ли кинжалом, то ли саблей. Когда он очнулся, я спросил у него, что произошло. Богембай, тяжело дыша, вздохнул: «Есеке, что об этом говорить, нами каждый может помыкать».

Я понял, что его ранил подвыпивший офицер или солдат, из наших.

По обыкновению, солдаты, завидев тыловикиов, бросались на нас с кулаками и вообще старались всячески унижить. Видимо, так было и с Богембаем. Всю ночь мы просидели у постели с ним рядом, читали заупокойную и ждали, что хоть на минуту сознание вернется к нему и он простится с нами. Богембай умер на рассвете, не приходя в себя.

Когда пришел конвоир, никто из джигитов даже не пошевелился. Михаил привел с собой офицера. Тот сердито сказал: «А ну, давай, сволочь, подумай, одним больше, другим меньше», — и с этими словами, ухватив за ворот стоявшего к нему парня, хотел вытолкнуть в двери, но тот отмахнулся от него. Офицер что-то сказал рыжеусому. «Ну, ребята, хватит упрячиться, не злите офицера, это добром не кончится», — засуетился тот.

Потом они оба вышли. Мы остались стоять, зная, что хорошего от них ждать не надо. Для русского офицера смерть какого-то азиата ничего не зна-

чит. Да и что значит смерть на войне, когда тут каждую минуту льется кровь.

Вдруг вбегает запыхавшийся рыжеусый. «Парни, к вам идет Алихан торе». Мы воспряли духом. Услышав о том, что от имени царского правительства на фронт прибыл наш земляк Алихан, мечтали с ним встретиться и поговорить, и вот на наше счастье сейчас мы увидимся с ним.

Когда он вошел в сопровождении двух русских офицеров, мы хоть и не видели его раньше, поняли, что это и есть Алихан торе.

Рыжеусый хотел было представить его нам, но Алихан жестом остановил его и сам начал разговор: «Как, земляки, поживаете? Вот только представился случай встретиться и поговорить с вами. Оказывается, среди вас есть погибший, мир праху его, как звали умершего?»

«Господин, его звали Богембай, если есть возможность, позвольте нам похоронить его по нашим обычаям», — сказал я.

«Пусть так и будет. Сегодня похороните его, я тоже приду на похороны. Среди вас есть кто-нибудь, знающий Коран. Ведь надо отпустить умершему грехи».

Такой среди нас был, и после обеда на могиле Богембая вырос небольшой холмик. Мы понимали, что вряд ли могила сохранится, но делать нечего — довести его до родных мест мы не смогли бы. Алихан торе был среди нас на похоронах, и даже читал молитву.

Когда мы вернулись в барак, то увидели на столе еду. Это Алихан торе распорядился зарезать барана на поминки. Прочитали заупокойную, помянули умершего за поминальным обедом. Торе говорил нам о том, что война скоро кончится и всех нас возвратят домой. Я вспомнил тогда, что на поминках родственник Богембая, недоумок Касенгазы, уплетал еду за обе щеки. Лицо его лоснилось от жира, и он, подмигнув мне, сказал: «А зря ты не ешь капусту, она очень полезная, может вылечить от всех болезней».

Вскоре мы вернулись домой.

Судьбе было угодно, чтобы богатырь Богембай остался лежать на белорусской земле, а доходяга Касенгазы вернулся целехоньким домой. Прощаясь со мной, Сабыр, что родом из Бескарагая, смахнув наверхнувшуюся слезу, сказал: «И почему это у хороших людей жизнь так коротка».

Я промолчал тогда.

Позже Алихан торе был арестован, объявлен врагом народа.

Я же всегда вспоминаю, как в те трудные годы под Минском Алихан, присев на корточки, читал аят из Корана, — заканчивал свой рассказ дед и по обыкновению читал молитву, помяная Алихана и своих давних товарищей.

Мы тоже вслед за дедом говорили «Аминь» и проводили по лицу руками.

* * *

Дед Есим был превосходным рассказчиком.

К вечеру, когда в доме собирались люди: соседи или гости, дед Есим начинал разговор. «Сказки тысячи и одной ночи» он знал наизусть и удивительно их пересказывал. Еще он заставлял нас читать собравшимся только что переведенную на казахский язык книгу «Остров сокровищ». Помню так же, как позже дед сам пересказывал ее.

Когда началось раскулачивание, то деда Есима и его брата Алима арестовали как врагов народа и увезли в Павлодар, где они просидели в тюрьме несколько месяцев. Лишь по счастливой случайности они остались живы. Благодаря целительским способностям Алима, говаривал, бывало, дед Есим, а то бы нас давно бы в живых не было.

НОВЕЛЛА

Рассказ Есима.

Сгустятся сумерки, скрипнет дверь, и начинается кошмар. Надзиратели, стоя у двери и отворачивая носы от спертого воздуха, выкрикали фамилию заключенного, и через минуту очередная жертва переступала за порог камеры. Не знаем, куда его уводили, но мы догадывались, что сюда он уже не вернется. У нас уже вошло в привычку: через некоторое время все начинали читать заупокойную молитву.

Сижу в этой вонючей камере уже 3 месяца. Раз в неделю одного из нас уведят из камеры. Больше он уже не возвращается. Мы вдвоем с братом стараемся не думать о том, что нас ждет, но в души наши постепенно закрадывается тупой страх. Настанет день, когда в дверях появится надзиратель и выкрикнет мое имя или моего брата. Кто будет первым, известно лишь Всевышнему. Человек ко всему привыкает, и самое мое заветное желание — это чтобы мы с братом оставались в этой камере подольше, а там, Бог даст, времена изменятся, и нас освободят. Так думал я, и не было для меня лучше места на земле, чем эта затхлая комната, где рядом со мной сидит мой младший брат.

Проходили дни за днями. Столько несчастных уже скрылось за скрипучей дверью, чтобы уже больше никогда не вернуться, а мы привычно читали заупокойные молитвы, мысленно прощались с усопшим, жалели его, но каждый думал о своей неизбежной участи. И вот наступил наш черед. Однажды вечером надзиратель не встал как обычно в дверях, а прошел быстрыми шагами в камеру и, остановившись посреди комнаты, сказал: «Сапинов Алим, на выход».

У меня потемнело в глазах. Сколько раз я в мыслях просил у Бога одной только милости: если нам не суждена жизнь, пусть меня заберут первым.

Бедный мой братишка, согнувшись, поплелся к выходу. Я сорвался с места, догнал его и стал совать в руки узелок с одеждой.

— Не надо, — отвел мою руку Алим и, взглянув на меня, подал мне какой-то знак.

После ухода Алима, как всегда, в камере воцарилась тишина. Все читали заупокойную молитву. Один я окаменело стоял около двери и не мог поверить в то, что уже больше никогда не увижу брата.

«Как же так?!» — думал я. Почему-то у меня не было никакого предчувствия скорой беды. Прошедшей ночью я видел во сне наше озеро Малыбай и, проснувшись, сказал брату, что нас скоро освободят и мы вернемся домой.

«На все воля аллаха, Есим, что нам уготовано судьбой, то и исполнится. Каждый должен испить свою чашу до дна», — сказал Алим, но лицо его просветлело, и глаза засияли. Он рассказывал мне потом, что в ту ночь ему тоже приснилось озеро Малыбай, и он понял, что нас скоро выпустят.

В тот вечер, оставшись один, я предался мыслям о брате, и во мне почему-то жила уверенность, что он вернется. И странное дело, его прощальный взгляд и тайный знак, который он подал мне, были тому виной или мой сон — не знаю, но во мне жила вера в то, что скоро мы с ним увидимся.

Так оно и случилось. На рассвете тихо скрипнула дверь. Все, кто проснулся, были страшно удивлены и даже напуганы, увидев Алима, живого и невредимого. Алим же, улыбаясь и не говоря ни слова, улегся и, по своей привычке, тут же заснул как убитый.

Мне ничего не оставалось делать, как прикорнуть рядом с ним, шепча слова молитвы.

Вечером следующего дня Алима опять позвали на выход. Но никто в камере не читал зауспокойную, а утром Алим вернулся, и так продолжалось целую неделю.

Алима больше не вызывали, и народ в камере повеселел, надеясь на избавление. Вскоре Алима выпустили, и он, прощаясь, шепнул мне: «Есим, ты тоже скоро выйдешь на свободу. И да хранит тебя бог!» Тогда я впервые увидел слезы на глазах всегда сдержанного и сурового младшего брата.

Пробыв в тюрьме 5 месяцев, возвратился к родным и я. Невозможно без слез вспоминать тот день, когда после долгой разлуки я, наконец, обнял своих детей, близких. Когда же все понемногу успокоились и жизнь вошла в свое привычное русло, я попросил Алима рассказать, что же с ним было.

Вот что он рассказал.

Рассказ Алима.

Ты знаешь того татарина, что нас допрашивал. Бледный такой, ни кровинки в лице. Говорят, что у душегубов и кровопийц, когда они убивают безвинных людей, вместо души в груди пустое место. И потому они бывают очень трусливыми. А любая трусость порождает жестокость. Вот и наш начальник был таким же кровопийцей и душегубом. И чем больше он измывался над людьми, тем больше трусил сам, подлец.

Когда после ареста меня привели на допрос, он вдруг подбежал ко мне и, тыча в лоб наганом, начал кричать, что прикончит меня.

Я сказал ему: «Жизнь моя в руках Господа нашего, а не в твоих».

Не успел я произнести эти слова, как он, изрыгая брань и мат, изо всей силы ударил меня по лицу. Я отлетел на пол. Из носа заструилась кровь. Я потерял сознание, а когда очнулся, встретился взглядом с его глазами. Он, наклонясь и поставив ногу мне на грудь, всматривался в мое лицо. Через минуту, не выдержав моего взгляда, отвернулся. Потом принес мокрое полотенце и кинул его мне со словами: «Прости, старик, вот на, вытри лицо!» Я вытер кровь с лица, сел снова на стул. Начальник молчит, чертит у себя что-то на бумаге.

«Сынок», — сказал я ему и до сих пор не пойму, я это говорил или кто-то другой за меня моим голосом.

«Сынок, — повторил я, — у тебя в доме есть больной человек».

«Ах ты, сволочь, тебе что за дело до того», — вскинулся было он.

Как он потом меня увел из камеры, ты видел. Глубокой ночью дежурный снова привел меня в комнату, где меня допрашивали. Там сидел тот человек. «Аксакал, — сказал он, поднимаясь, — я расскажу вам кое-что, а вы послушайте».

Рассказ начальника тюрьмы.

До революции я обучался грамоте в медресе. Мать была набожной женщиной. Отец промышлял торговлей и очень редко бывал дома. Жили мы хорошо. Но вот пришли красные, и мир раскололся надвое.

Отец мой подумал устроить меня через своего русского друга, торговца, в конный отряд к красным. Мать рассказывала, что будто бы во сне видела отца, который сказал, что святой пророк Кыдыр помогает сейчас красным и что красные победят белых. Она-то и посоветовала отцу определить меня в красногвардейский отряд.

За боевые заслуги в борьбе с белыми и алаш-ординцами меня назначили командиром отряда.

После, когда я уже работал в ГПУ и был женат, к нам поступила анонимка на одного хазрета, у которого в доме собирались люди, и якобы хазрет их аги-

тировал выступить против Советов. Мне приказали арестовать его, а в случае сопротивления уничтожить.

Приказ есть приказ, попробуй не выполнить — сам головы лишишься. Мне и раньше приходилось арестовывать людей, но с религиозными служителями, а тем более с хазретом мне никогда не приходилось встречаться.

Засобирался я в дорогу, а тут жена: «Хамидолла, не ездил бы ты никуда». Почему, спрашиваю, а она на живот свой показывает.

Она и раньше знала, какая у нас работа, а как услышала, что я еду хазрета арестовывать, стала умолять меня не делать этого. «Не бери греха на душу, не гневи Бога — мы ведь ждем ребенка, ребенка хоть пожалей — ведь проклянут нас», — плакала она.

Ну, какой же работник ОГПУ будет слушать свою жену! К вечеру я, взяв в помощники двух солдат, отправился на задание.

Я предполагал увидеть старого, сгорбленного человека, а передо мной стоял крепкий старичок.

Я сразу же набросился на него с криком: «Ты что, старик, вздумал против Советской власти идти? Я тебе покажу, как клеветать на большевиков!»

Хазрет: «Сынок, все мы в руках Господа. Если мне суждено умереть, значит, на то есть воля Всевышнего. Но я не против вашей власти — живу сам по себе, служу Богу, политики вашей не касаюсь».

Я понял, что если старика не унять, он, того и гляди, замутит нам голову. Поэтому я арестовал старика, и мы вывели его из аула. По дороге нам встретился мазар, и старик сказал: «Сынок, ты же мусульманин, разреши мне в последний раз помолиться на могиле предков».

Я разозлился и, помахивая камчой, ткнул старика в спину, мол, не задерживайся, иди дальше. Старик же, ни слова не говоря, направился к могилам.

До сих пор не пойму, что на меня такое нашло. Вне себя, я выхватил наган и, не целясь, выстрелил в старика два раза. Один из конвоиров соскочил с коня со словами: «Эх, жалко», — и, подбежав к хазрету, приподнял его. Старик прошептал слова молитвы и через минуту умер. На шум выстрелов со стороны аула бежали люди. Конвоиры сказали: «Начальник, здесь оставаться опасно, поехали».

По дороге решили, что скажем: старика застрелили при попытке к бегству. Вернулись мы поздно, а утром я пошел домой.

Меня ждало горестное известие: как только я ушел, у жены начались схватки и она родила мертвого ребенка. Жена, хоть и не говорила мне, но я чувствовал, что она во всем считает виноватым меня. Она, не переставая, твердила о том, что бы я бросил свою работу. Откуда ей знать, что так просто чекист не может уйти.

Через некоторое время жена забеременела. Родилась девочка. Ей уже одиннадцать лет, но она так страдает, бедняжка. По ночам у нее начинаются судороги, и мы дежуриим около нее.

Как-то я сказал жене, что в тюрьме сидит лекарь. Как прослышала она про вас, так стала просить привести вас домой.

А тут на допросе вы сами сказали, что у меня в доме больной. Когда вы посмотрели на меня, мне показалось, что передо мной стоит убитый мной хазрет. Я теперь вот о чем думаю: если бы хазрет тогда посмотрел мне прямо в глаза, я бы не смог выстрелить в него. Вот, аксакал, моя правда. Простите меня, если можете. А наказать меня больше меня самого, я думаю, никто не может. Если дочка моя поправится, я отпущу вас с братом, а сам уйду из органов. Покойная мать говорила, что нет греха, которого бы бог не простил. Если будет на то воля божья, всю оставшуюся жизнь я посвящу ему.

Продолжение рассказа Алима.

Жена начальника милиции оказалась приветливой сердечной милой женщиной. Она пригласила меня к чаю, но я отказался, попросив прежде показать больную.

Взглянув на девочку, я понял, что у нее падучая. От тюремного житья-бытья я ослаб, и когда начал лечить ее, то от усталости еле держался на ногах. Через некоторое время я почувствовал, что девочке стало лучше, пот с меня тек градом. Я уложил девочку и предупредил родителей, чтобы кто-то находился при ней.

Вышел в другую комнату, умылся, и тут хозяйка принесла мясо. Я съел кусочек мяса, запил его глотком бульона и, сотворив молитву, поднялся с места. Хозяину ничего не оставалось делать, как выйти следом за мной. Так повторилось несколько дней. На шестой день девочка выздоровела, ожила, стала веселой и подвижной. Я попрощался с хозяйкой и отправился снова в тюрьму.

А вскоре начальник тюрьмы вызвал меня и сказал, что я освобожден. Я стал просить, чтобы выпустили вместо меня старшего брата.

— Я не могу, — сказал начальник, — жена моя собралась уходить от меня с дочкой, если я сейчас же не освобожу. Обещаю, что ваш брат будет выпущен через 3-4 месяца.

На этом мы и разошлись.

Продолжение рассказа Есима.

Выйдя на волю, Алим продолжал жить, как и прежде. Он лечил людей, заговаривал, исполнял обязанности муллы. Он замкнулся в себе, стал избегать людей, целыми днями читал какие-то книги и стал чуть ли не аскетом.

Что до меня, то ни о какой набожности я думать и не хотел. Я, напротив, старался быть в гуще всех событий, был охоч до всяких разговоров и баек.

Частыми гостями у меня в доме были работники из области, района. При случае расспрашиваю начальника про Хамидоллу, начальника тюрьмы. Однажды толстый милиционер Хасен, который был в то время начальником милиции, сказал мне: «Досадил этот собака Хамидолла, имея партбилет в кармане, ходил, оказывается, в мечеть, его за это и расстреляли. Баба его попала в психушку».

Я живо представил маленькую дочку Хамидоллы, благодаря которой мы с братом остались живы. Где она теперь? Алим же предпочел ничего не рассказывать.

* * *

Сколько людских судеб было испорчено, искалечено, сколько душ исчезло в гигантском жернове Советской власти, когда под маской справедливости скрывались жестокость и насилие. Это было время, когда человек боялся не бога, а человека в кожанке и с маузером в руке. Божки от новой власти везде устанавливали свои порядки, вытравляя свободный дух из всех и вся. Люди жили в аду, мечтая о райской жизни для своих потомков. Но эти лозунги и призывы рухнули в одночасье, разом. Гигантский колосс на глиняных ногах развалился.

К тому времени уже не было в живых дорогих мне сердцу людей — Алима и Есима, но я помню, как Есим, усадив меня на колени, говорил: «Не доверяйте слишком этой власти, она ненадолго. Работайте, исполняйте все, что скажут, но душу свою сохраните для лучших времен».

Мне не нравились дедовы слова, но, к моему неудовольствию, он часто повторял их. Что взять с неграмотного, темного человека, думал я тогда. И невдомек мне было, что это были последние из поколения несгибаемых, которые владели настоящими знаниями, они остались верны своим идеалам, не восприняв заветов великого вождя. Я же, надев красный галстук, во все горло распевал песни о Ленине. Дед слушал, тяжело вздыхал и говорил с грустью в голосе: «Молодец, внучек, молодец!»

* * *

Объявили врагом народа и бросили в тюрьму старшего брата отца, Саттара. Много позже к нам пришел человек, который был с ним в одной камере. Он рассказал о последних днях жизни Саттара, о том, как он умер. Я записал его слова в тетрадь.

НОВЕЛЛА

Пошел второй день с тех пор, как надзиратели, уверившись в том, что Саттар уже не жилец, протащили бесчувственное тело по двору и бросили в барак.

Он ничего не ел вот уже которые сутки, да и от сильных болей чувства голода не было. Только сознание было ясным, и мысли теснились в голове одна за другой. Саттар понимал, что живым он отсюда не выйдет. Осознавая, что последний час его близок и рядом нет никого, кто мог бы закрыть ему глаза и помолиться, он, обращаясь к богу, твердил известные слова молитвы и просил Всевышнего простить ему земные грехи. Так прошел один день, близился к концу второй, но душа Саттара не спешила расставаться с измученным телом. Саттар вдруг вспомнил, как старые люди говорили о том, что если человек трудно расстается с жизнью, значит, не отпущен ему Господом грех, совершенный на земле. А ведь на самом деле, кому нужно, чтобы я здесь лежал? Грех, грех. Что же такое грех? Саттар решил вспомнить свои грехи. Но сколько ни силился, ничего не приходило на ум. Тогда, значит, у него нет греха, разве что назвать грехом то, что он пришел на этот свет? Но нет, на то была божья воля.

Но может быть, тогда грехи человеческие совершаются по воле Творца? Нет-нет, как могла прийти мне в голову такая мысль. Бог создал человека во благо, все грехи от лукавого, от сатаны. Это понятно. А вот конкретно у меня есть грехи перед Богом? Постой, если я не грешен, то почему умираю в двадцать лет? Я наверняка тоже грешен, как тысячи живущих на земле.

Должен быть, должен быть грех. Саттар закрыл глаза и стал вспоминать. Память услужливо подбрасывала ему эпизоды из детства, но напрасно пытался он зацепиться за какой-нибудь неблагоприятный поступок. Может, ударил кого-нибудь мальчишкой или обругал, обидел? Но старания его были тщетны. Ни одного греха, совершенного в детстве, не мог вспомнить умирающий. Постой, постой, а вот... и при воспоминании о давно произошедших событиях у Саттара запылали щеки.

Родной аул. Последние годы войны. Старики, дети, девушки-молодухи, вернувшиеся с войны калеки.

Вместе с ними от зари до поздней ночи на току работают подростки, такие, как Саттар. Но в любом ауле найдется лоботряс и лодырь наподобие ровесника Саттара Койкена.

Как-то раз Койкен с видом заговорщика отвел Саттара в сторону. «Слушай, — сказал он важно, — вот что, оказывается, значит стать мужчиной. Я,

как другие мужики, сплю с бабой. Одно удовольствие». И он расхохотался, увидев, как смутился Саттар. Заметив, что Саттар собирается уходить, Койкен схватил его за руки:

— Эй, сопляк, я еще тебе не все сказал. Ведь и ты можешь не сегодня-завтра этим заняться.

— Не болтай, Койкен, — бросил Саттар.

Койкен догнал меня и рассказал, что подслушал разговор двух молодых, работавших на току, — Жаннат и Алматы. Они были неразлучными подругами, и вот с одной, оказывается, и ходил непутевый Койкен. Недавно Койкен подслушал разговор подружек. Подруги решали, что Жаннат должна уговорить меня переспать с ней. Вот эту новость поспешил донести мне лоботряс Койкен.

Наступил вечер, и стали сбываться слова балбеса Койкена. Жаннат ни минуточку не отходила от Саттара, проявляя к нему излишнее внимание. То как бы невзначай дотрагивается рукой до его волос, то придвигает к нему тарелку с едой. Вначале Саттар подумал, что она заботится о нем на правах женге, так как ее муж приходился Саттару родственником.

Несмотря на это, он всячески старался быть подальше от нее. Ночью его разбудило чье-то горячее прерывистое дыхание. Кто-то крепко сжимал его в объятиях, Саттар хотел крикнуть, но горячая ладонь зажала ему рот.

«Саттар, солнышко мое, молчи, это я, Жаннат. Давай немного позабавимся, только не вздумай кому-нибудь рассказать. Вот так, миленький, вот так». С этими словами, она, опрокидываясь на спину, увлекала за собой Саттара. В это мгновение Саттар вскочил и бросился бежать. Жаннат попыталась догнать беглеца, но его и след простыл. Наутро Саттар увидел свою ночную гостью и с трудом ее узнал — так изменилась она: опухшие глаза, бледное лицо. Наверняка всю ночь проплакала, бедняжка.

На следующий день Жаннат перевелась с тока на другую работу.

И опять Саттар перебирает в памяти былое, пытаюсь отыскать греховные поступки. Но нет, нет ничего, что можно было бы назвать грехом. В драках он никогда не участвовал, и если случалось, что его били, то он никогда не пытался дать сдачи.

И вдруг Саттару нестерпимо, до боли, захотелось быть грешным. Как он раньше об этом не догадался: грешному человеку легче расстаться с этим миром. Гораздо страшнее уйти из жизни невинным, словно младенец. И до такой степени он вдруг захотел совершить хотя бы один грех, что почувствовал, как в нем раскручивается какая-то пружина, растет какая-то дикая сила.

Теперь он с сожалением думал о своей женге Жаннат. Ведь если бы он тогда согрешил, то не лежал бы здесь в этом холодном бараке. Вон, погрязший по уши в грехах, Койкен живет себе припеваючи, работает бригадиром в колхозе. Что толку, что я в жизни не совершил греха, зато теперь покидаю земную юдоль невинным, не изведавшим греха. Надо попытаться встать, и тогда, возможно, удастся согрешить. Тело как будто превратилось в камень, одна лишь правая рука подавала признаки жизни.

Саттар снова вспомнил родной аул, Айну. Эх, где она теперь? «Буду ждать», — шепнула она на прощанье. «Жди, милая».

Мысль Саттара прервал скрип открываемой двери. Усатый надзиратель, наклонившись, глядялся в лицо арестанта. «Ну, с богом», — говаривал в таких случаях отец. «Ну, с богом», — сказал себе Саттар, решив вцепиться в усы надзирателя и хоть так согрешить. Он поднял правую руку, но она, задрожав, упала, не дотянувшись до лица мучителя. Вот досада, что же теперь делать.

Саттару пришла в голову мысль пнуть его, но ногу невозможно было пошевелить. Внезапно его осенила новая мысль: нет, это не годится. Вцепиться, оторвать усы у надзирателя — разве это грех. Отомстить негодяю — это же благо. На твоих глазах этот подлец, пользуясь властью, избивал невинных людей, убивал. Нет, бить человека надо невинного, чистого, тогда это будет считаться грехом.

Сознание Саттара затуманивалось, иногда он как бы проваливался в темноту, но все время в мозгу трепетало одно: во что бы то ни стало надо совершить грех. Но силы убывали, и Саттар понял, что физически ему греха не совершить. Тогда он подумал: может быть, достаточно будет для греха просто подумать нехорошее о человеке чистом, достойном? Но даже и для этого нужны были силы, а сил на это не было. Оклеветать человека даже в мыслях — это грех не маленький. Возвести напраслину на человека, совершить подлость, унижить, оскорбить — в этом предела человеческим возможностям нет, особенно в их бараке. Бывало, в тарелку с похлебкой мочились и, посмеиваясь, отдавали несчастным арестантам. А избить, убить — это вообще для надзирателей было обычным делом. Сколько раз сносил побои и Саттар, но он никого не обвиняет. Просто ему кажется, что кто-то там наверху распространил дурную болезнь, и все сошли с ума, потеряли на время рассудок. Дед говорил, что наступит время, когда сын отцу, а мать дочери станут врагами. Вот в такое время довелось жить Саттару. Только и всего.

Но не все люди потеряли рассудок; такие, как он, Саттар, и подобные ему арестанты, похоже, пока в своем уме, но жизнь их хуже собачьей.

Тем временем усач вернулся вместе со своим напарником.

— Вот еще один готов, — и указал на Саттара. — Клади его на санки, зароем.

Помощник приблизился к Саттару и сказал:

— Да он вроде бы еще живой, поди ж ты, живучим, оказался, вражье семя. Два дня лежит без воды. Ну да ничего, вези, по дороге околеет, если сейчас не сдох. Все равно ему не жить.

Помощник ничего не сказал. Такое часто бывало. Случалось, закапываешь его, а он стонет. Вдвоем они взяли Саттара и выкинули на груды сваленных в кучу мертвецов. Саттар упал на мертвое тело женщины. Вспомнилась ему Айна, чистая, безвинная душа. Вот о ней буду думать плохо. Попытался сравнить ее с Жаннат, но пожалел, потом решил было и из последних сил крикнуть: «Айна».

Этот еле слышный стон услышал надзиратель и лопатой ударил Саттара по голове. Перед глазами вдруг открылся яркий свет, Саттару подумалось, что этот свет идет от Аины. Потом сознание померкло, свет потускнел и померк.

Сани, груженные мертвецами, медленно тянулись к лесу.

* * *

Одна из жертв, пострадавших от социализма, — моя мать Бижамал.

В семье нас было шестеро, отец не работал по инвалидности. Полуголодные, полураздетые, мы жили очень тяжело. Мать, всю жизнь работавшая в колхозе, осталась без пенсии. Но несмотря ни на что, она старалась выучить нас, делала все, чтобы мы получили образование.

За ужином велись разговоры. И мать, довольная своей судьбой, говорила: «Беспечальному и простая вода пища».

Она часто вспоминала о том, как тяжело ей было поднимать нас на ноги. Больше всего она молилась, чтобы не было войны. Ей пришлось пережить страшные времена, когда приходили в аул то красные, то белые. Они вынуж-

дены были прятаться и от тех, и от других. В памяти сохранилось много эпизодов, связанных с этим смутным временем.

Очень часто она пересказывала один случай, свидетелем которого она стала. Честно говоря, я не любил, когда она вспоминала об этом. Что с нее взять, думал я, несознательная, грамоты не знает, да и что она может понимать в классовой борьбе. В школе мы пели песни о доблестной нашей красной армии: «Мы — красные кавалеристы», мы мечтали быть похожими на Буденного и Ворошилова — кумиров нашего детства. А рассказ матери как-то странно диссонировал с нашим тогдашним представлением о красной армии, внося разлад и смятение в наши детские сердца.

НОВЕЛЛА

У матери был старший брат Кабиден. Он был не по возрасту высоким, худощавым пятнадцатилетним мальчишкой с мягким застенчивым характером. Если вдруг случалось ему говорить о себе — щеки его становились пунцовыми от смущения. Когда мать рассказывала о нем, в этом месте тяжело вздыхала и надолго задумывалась.

Произошло это в двадцатых годах, когда власть в ауле переходила то к красным, то к белым. И кто бы ни проходил, кормили, поили, встречали как дорогих гостей, но так как они, утолив голод и отдохнув, начинали приставать к девушкам и молодым женщинам, то к их приходу девушки и женщины скрывались в лесу, тайком прибегая по ночам домой, чтобы поесть. Оставались старики да дети.

Вот в такое смутное время однажды в аул нагрянули красные. И в этот раз их было так много, что казалось, они заполнили собой весь мир. Аулчане затаились, словно предчувствуя беду. Красные были все русские, изредка попадались среди них татары, были и казахи.

Офицер, в кожанке, весь перетянутый ремнями, что-то сказал солдату-казаху, и тот крикнул, обращаясь к Кабидену: «Эй, сопляк, иди напои лошадей, ну, живее, марш».

Поить лошадей было привычным делом для Кабидена. Он с одинаковым усердием ухаживал за лошадьми и белых и красных. Но в этот раз коней было так много, вряд ли у него хватило бы силы управиться одному.

Проворно и сноровисто тянул он ведро за ведром, быстро выливал его в поилку, но как ни старался, воды не хватало. Один из поивших лошадей, потеряв терпение, прикрикнул на него: «Давай, калбит, быстрее», — и дважды огрел его плеткой. Кабиден покачнулся, потом, прислонясь к стойке колодца, постоял немного и, видимо, совсем потеряв силы, опустился на землю.

В это самое время комиссар в кожанке, собрав всех аулчан, через переводчика вел допрос.

«Когда сюда приходят белые, кто им помогает? Приходили ли басмачи? Есть ли тут их родственники?»

Насмерть перепуганные воинственным видом человека в кожанке люди старались как-то умаслить его, и поэтому некоторые охочие до слов болтуны из кожи вон лезли, показывая свою готовность помочь комиссару.

А с другой стороны, конечно, белые порядком надоели аулчанам. Но как скажешь им об этом, и кто поручится, что красных не сменят белые.

И снова будет допрос, и те же вопросы, что и сегодня, будут задавать.

Самое правильное — это отмолчаться, мол, ничего не знаем, ничего не слышали.

Не удовлетворенный уклончивыми ответами комиссар выхватил саблю из ножен и занес ее над головой старика Турамыса. Тот затрясся и с перепугу сказал, указывая на лежащего без сознания у колодца Кабидена: «Вон тот поил их лошадей».

Комиссар кивнул, и тотчас два красноармейца, подхватив под мышки Кабидена, вылили на него ведро воды и приволокли к начальству.

«Ты поил лошадей белых?» — сказал толмач, указывая на Турамыса. Кабиден промолчал, и по обыкновению щеки его зарделись, стали пунцовыми.

«Понятно. Возьмем их с собой, будет отдельный разговор», — сказал комиссар, садясь в седло.

И красные покинули аул, увозя с собой старика и парнишку. На другое утро аулчане вышли на поиски Турамыса и Кабидена и увидели, что изрубленные их тела висят на деревьях в небольшом лесочке.

Люди собрали развешанные по частям тела несчастных жертв, помолвившись, предали их земле. Прошло несколько лет, умерла моя мать, но помню, что она до самой смерти не изменила своего отношения к красным и часто поминала в своих молитвах своего старшего брата.

Мы же горланили во все горло так полюбившуюся нам песню.

* * *

Один из тех, кто пострадал от Советов, был мой отец Кабдыжаппар. В 1938 году его призвали в армию. В 1939 году он воевал с белофиннами. Потом началась Вторая мировая. Отец вернулся домой лишь в 1943 году, оставив на войне один глаз. Будучи инвалидом, он проработал в совхозе до 1967 года, без отпусков и отдыха. Была в те годы такая установка: вместо отпуска отдавать деньги.

Отец был прекрасным человеком, щедрой души и открытости. Уважительность, которую он проявлял к людям, была особенной.

Счастливо избежав влияния советской идеологии, он до конца дней своих читал намаз, держал пост, был богобоязненным, глубоко верующим человеком.

Отцу пришлось пережить тяжелые испытания. Довоенная его жизнь тоже была полна разных историй и приключений.

Вот одна из историй, случившаяся с ним в детстве.

НОВЕЛЛА

С раннего утра все в доме поднялись и стали собираться в путь-дорогу. Как я понял, отец решил откочевать на Алтай, подальше от колхозных активистов.

Сложили посуду, взяли одеяла, подушки, одежду. Все суетятся, связывают в узлы свои нехитрые пожитки. Один я стоял столбом, как будто посторонний.

Страшно, но почему-то со мной до сегодняшнего дня никто не говорил об откочевке. Но вот сборы кончились, и все уселись полукругом. Дед прочитал молитву, благословляя в путь-дорогу.

Отец встал с колен и направился к выходу. Женщины, до этой минуты сдерживавшие слезы, разом запричитали, зарыдали в голос. Мужчины пытались их утешить, успокаивали, но еще долго были слышны всхлипы и горестные вздохи. Бедняжкам, конечно, нелегко, бросили всё, что годами наживали, берегли, копили.

Легко ли покинуть родные края, где каждый камень тебе знаком, и, как перекасти-поле, сорваться с места. А что ждет там, на чужой земле? Кто там их ждет, раскрыв объятия?

Мать, покойница, светлая ей память, подошла ко мне, судорожно прижала к себе, поцеловала несколько раз и, сунув в руки узелок, сказала твердым голосом: «Сынок, что поделаешь, будь осторожен, береги себя».

Земля стала стремительно уплывать из-под моих ног. Так, значит, меня оставляют одного, среди чужих людей. Нет-нет, я не останусь. Что бы ни случилось, а поеду с ними, решил я про себя. Ко мне подошел дед: «Сынок, будь умницей. Ты останешься среди сородичей. Пойми, это надежнее. Ты еще ребенок, тебя не тронут. Нам нелегко. Пойми нас». С этими словами он сел в телегу, и лошади тронулись.

Я стою и во все глаза смотрю на отца, который всячески избегает моего взгляда, делает вид, что страшно занят.

И тут я вспомнил, что последние два-три дня отец вел себя необычно, странно как-то, ни на минуту не отпуская меня от себя.

Приехав в соседний аул, он о чем-то долго шептался с чабаном Коспаном. Потом подозвал меня и сказал: «Косеке, вот он весь перед вами, конечно, подрасти бы еще ему, что поделаешь, видно, придется смириться с тем, что тебе суждено. Прошу тебя, позаботься о нем. Возьми себе в помощники, пусть пасет овец».

Косеке в ответ мнетя, тянет неуверенно.

— Япыр-ай! Вот положеньице. Время сейчас трудное, и за себя порой не постоишь.

— Нет у меня другого выхода, Косеке, принимаю все твои условия, — сказал отец, вставая и давая понять, что разговор окончен.

Единственное, что я понял тогда, так это то, что отец хочет, чтобы я заработал. И ничуть не был этим огорчен. Коспан жил неподалеку от нас. Буду прибегать домой, думал с мальчишеской беспечностью. Да и Коспан, который приходился нам родственником, славился своим открытым, добрым нравом. Кроме того, я слышал от деда, что работающие в совхозе могли пить вдоволь овечьего молока. По крайней мере, не буду голодным, размышлял я, представляя свою будущую жизнь.

Вышли мы с отцом от Коспана, идем пешком, а отец то и дело останавливается и обнимает, ласкает меня. Я был немало удивлен необычным поведением отца, предполагая, что он, посылая меня на работу, просто жалеет, считает, что я еще мал. Что тут трудного, подумаешь, пасти овец — вовсе не так трудно.

В то время я и думать не мог о том, что родные бросят меня. Теперь же все стало ясно. Значит, я остаюсь, а отец, мать, дед, все братья и сестры, словом, все родные бросают меня одного на произвол судьбы.

Я встал как вкопанный. Осознание чудовишной несправедливости переполняло меня. И только когда телеги двинулись с места, я заревел и с криком бросился к ним, моим родственникам, бегу, кричу что-то, слезы текут по моему лицу. Добежал до последней арбы, младший брат протянул мне руку, я собрал все свои силенки и запрыгнул на арбу.

Отец соскочил с передней арбы, подошел и, грубо сдернув меня с телеги, отвесил увесистую оплеуху.

Все зашумели, закричали, видимо, кто-то даже заступился за меня. Зычный голос отца заставил всех умолкнуть.

Захлёбываясь слезами и не обращая внимания на горящие от оплеухи щеки, я подбежал к арбе.

Сильной рукой отец оттолкнул меня. Я упал и уже не вставал, долго лежал в пыли и плакал. Когда же поднялся, телег уже не было видно.

Догонять их было бесполезно, и я, подобрав узелок, который дала мне мать, побрел в соседний аул к старику Коспану.

Отец вернулся с остальными спустя два года. Деда среди них не было: он умер в чужих краях. Все остальные благополучно возвратились, братишки и сестренки даже стали говорить по-русски.

С тех пор прошло много лет. Однажды, когда отец находился в хорошем расположении духа, я спросил у него: «Отец, скажи мне хоть теперь, почему вы меня тогда оставили, не взяли с собой?»

Отец тяжело вздохнул: «Сын мой, разве думали мы, что тогда отправимся в путь, что нам посчастливится возвратиться. На работу маму не брали из-за того, что я кулак. Мы начали голодать и решили тогда вместе с дедом уйти на Алтай. А что нас там ожидало, бог весть. Чужие люди, чужой язык, чужие нравы. Вот потому-то и оставили тебя здесь, в родных краях. Если нам суждено было погибнуть, то ты бы остался жив, продолжил наш род. Младший твой братишка был еще мал, а ты уже мог постоять за себя, зарабатывать на хлеб».

Конечно, скажи мне об этом отец тогда, я вряд ли понял бы его. И две увесистые затрещины, и то, как он оттолкнул меня от себя, — все это я помнил долгие годы. И считал жестокостью и чудовищной несправедливостью. Не знал я тогда, что строгость отца вынужденная, что порождена она отцовской любовью и желанием спасти, уберечь свое дитя от бед.

И сам уже став дедом и отцом и глядя иногда на своих детей и внуков, я часто вспоминаю свое детство, те далекие годы, вижу след арбы, чувствую, как горят щеки, и думаю, что строгость и жесткость старших не повредила бы и моим детям и внукам.

* * *

Те события, о которых я рассказал, усилили во мне сомнение в непогрешимости социалистических установок. Не скажу, что ко всем, но к коммунистам, особенно к начальству, у меня возникло чувство недоверия из-за их лицемерия, двуличия. Их слова расходились с тем, что они делали.

* * *

В советское время послабление в религиозных вопросах началось с приходом Леонида Брежнева. Пришедший к власти Горбачев тоже показывал свою лояльность к религии. Став пенсионером, отец по просьбе старейшин стал имамом мечети в районном центре. В те годы я уже отошел от прежних атеистических догм и взглядов, и постепенно во мне пробуждался интерес к религии, влечение к ней. Часто мы с отцом сидели до первых петухов, ведя разговоры о Боге. Не было жарких дискуссий, непонимания, ведь спорить теперь было не о чем, было только желание понять и принять то, что давно было в душе, но насильственно заглушалось. Однажды отец рассказал историю об одном кровавом эпизоде, произошедшем в первые годы Советской власти в дни Курбан айта.

НОВЕЛЛА

Про белых и красных я и в книгах читал, и в кино их можно было увидеть, короче говоря, наслышан. А вот про басмачей, которых в народе называли «каралар» — черные, в ауле рассказывали лишь старики. Конечно, я, как рас-

сказчик, и в подметки не гожусь прежним аксакалам нашего аула, но все же попытаюсь передать вам хотя бы то, что осталось в памяти.

Это было время установления Советской власти, когда повсюду организовывали ТОЗы. Но в народе было больше тех, кто держал в руках не лопату, а оружие. Народ только-только смирился с Советами, как, отступая от красных, в аул ворвались белые. Сочувствующих Советской власти выстроили в один ряд и расстреляли, дома сожгли. Как лавина с гор, набросились они на беззащитных людей, сметая все на своем пути, и скрылись, как рассказывали старики, в Китае. Не успели опомниться от сабель белых, как с другой стороны в аул явились красные и снова стали агитировать людей за Советскую власть. На здании аулсовета вновь затрепетал красный флаг. Вывели на площадь тех, кто сдал местных активистов белым, и, выстроив в ряд, тоже расстреляли.

«Собакам собачья смерть», — сказал один. «Жалко детей, остались, бедные, одни», — посочувствовали другие.

Только зажили раны и люди занялись мирным трудом, как вновь появились вооруженные всадники. Их и называли в народе «каралар», в отличие от белых и красных. Отчего, толком никто не мог объяснить. Может, старики и знали, что это за люди, зачем взялись за оружие, да при нас помалкивали.

Но о том, что на первых порах при Советах много было такого, с чем не могли согласиться люди, и как могли, пытались противиться, говорили без утайки.

Я смотрел на них с опаской и недоумением, как это они осмеливаются вести такие разговоры.

Наш учитель истории, когда я заикнулся о том, что, оказывается, у «черных» есть предводитель, и что он настоящий герой, и зовут его Жайылханом, вдруг рассердился и, недослушав, закричал на меня: «Он бандит, басмач, понятно тебе». И на другой день вызвал в школу моих родителей. И только старший брат, работавший в районе и срочно вызванный на подмогу, сумел потушить пожар.

Так вот, эти черные, басмачи, они не присоединялись ни к белым, ни к красным. Их было мало. Главарь их — Жайылхан. Особенную ненависть басмачи питали к аульным активистам, к которым они не знали жалости.

У Дайырбая, вновь назначенного начальника милиции, голова шла кругом. Вот уже месяц, как он с десятком милиционеров кружит за басмачами — и никакого толку. В каждом ауле у Жайылхана свои люди, да к тому же места здешние он знает, как свои пять пальцев. Он, как кошка с мышью, играет с неопытным Дайырбаем, порой просто издевается над ним. И получается, что не Дайырбай преследует басмачей, а они следят за ним неотступно. Не ввязываясь в открытый бой, черные в случайных перестрелках уже убили нескольких милиционеров.

Поняв, что один он поймать банду не сможет, усталый и измученный, Дайырбай вернулся в район.

С главарем банды Жайылханом они росли в одном ауле. Дайырбай помнит, что тот с малых лет был буйным, задиристым. Никому не давал спуска. «Все равно я тебя поймаю», — скрежетет зубами Дайырбай, вспоминая эпизоды безуспешной погони за черными.

Надо, надо что-то придумать. Арестовать тех, кто его знает. Вот хотя бы его младшего брата Рахымхана, он активный член ТОЗа. При воспоминании о нем у Дайырбая противно засосало над ложечкой. В детстве тот частенько поколачивал его, и, наверное, с тех пор в душе у Дайырбая поселился страх. Отправить бы куда-нибудь подальше с глаз, спокойнее было бы Дайырбаю. Дай

срок, и это можно будет сделать. Он вспомнил двух убитых милиционеров. Да, одного из них убил Жайылхан, значит, Рахымхана уже можно привлечь. Вот и расправа близка, да еще и над двумя братьями сразу. Дайырбай от радости не мог сидеть на месте.

Конечно же, он сразу понял, зачем его вызвали.

Рахымхан, стоя перед Дайырбаем, сказал сурово:

— Ты звал, я пришел, что ты хочешь, начальник Дайырбай?

— Раха, мы с тобой под одним знаменем, хочу попросить у тебя совета, — сказал Дайырбай, сделав вид, что не понял иронию Рахымхана.

— Глаза бы мои не видели ни тебя, ни моего брата-бандита, — не меняя тона, продолжал Рахымхан, — на совести вашей кровь убитых вами безвинных людей, слезы матерей и детей. Разница лишь в том, что ты — представитель власти, он, несчастный, — бандит. А вина на вас обоих — одна. Чего ты хочешь?

Дайырбай, вскочив, схватился за маузер. Рахымхан и бровью не повел.

Поняв, что он перегнул палку, Дайырбай сказал примирительно:

— Брат, оставим прежние обиды. Сейчас не время сводить счета. Докажи свою преданность Советской власти, найди и скажи, пусть сдастся добровольно, иначе опять прольется кровь. Ты знаешь, где прячется твой брат.

Молчит Рахымхан. Да, конечно, прав Дайырбай, с каждым днем у Жайылхана прибавляется грехов. У власти руки длинные, и лучше сдать ее, да побыстрей.

— Где он скрывается, знаю, — Рахымхан глубоко вздохнул.

— А если знаешь, веди. Ты мне только покажи его, а разговаривать с ним буду я.

— Ну, хорошо, представим, что я найду тебе его. Но разве Жайылхан так просто сдастся? Его люди следят за каждым твоим шагом. И не ты его, а он тебя может укокошить.

— Да... — протянул в замешательстве Дайырбай. В комнате воцарилось молчание.

Нарушил молчание Рахымхан.

— Есть только один выход.

— Ну-ка, скажи, Раха, ты только подскажи, а сам можешь и не ехать с нами, мы и без тебя справимся, — обрадованно засуетился Дайырбай.

— Во время Курбан айта брат непременно придет домой. Он никогда не изменяет этой своей привычке читать молитву духам своих предков, — сказал Рахымхан, как будто у него с братом были разные предки.

Дайырбай задумался. Отчего это вдруг Рахымхан, вначале вставший на дыбы при одном упоминании о брате, вдруг стал таким сговорчивым? Может, это ловушка? Рахымхан ведь одной породы с Жайылханом. Дайырбай вспомнил волчьи повадки. Они всегда сами убивают ослабевших или раненых своих собратьев. Может, и Рахымхан, понимая, что Жайылхану конец, решил сам добить его?

От нахлынувших дум у Дайырбая чуть не лопалась голова. Это бывало с ним: стоит только начать думать о чем-то серьезном, в голове тут же появляется звон. Внезапно он вспомнил, какие крепкие кулаки были у Рахымхана. Мелькнула мысль: «А вдруг он сам и есть шпион?» Но он устал размышлять и потому, махнув рукой, решил: «Ладно, с Рахымханом разберемся потом, сначала поквитаемся с его братом».

На лбу у Рахымхана бисеринки пота. Надо во что бы то ни стало уговорить брата. Хватит кровь проливать. Да и если этому свинье Дайырбаю не помочь сейчас, он найдет способ отомстить.

Надо же, такому дурню, как Дайырбай, дали власть. Этот негодяй и так не знал, как придраться к нему. Теперь вот, наверное, торжествует.

А все из-за брата. Перед глазами встало лицо матери. Бедная наша мать, ты и представить себе не могла, что два твоих сына будут врагами. Да, они с братом враги. Жайылхан с самого начала был в ссоре с представителями власти, ввязался в спор, потом взял винтовку и стал басмачом.

В банде у него около тридцати ружей, половина из них — русские мужики — Я помогу тебе поймать брата, Дайырбай. А иначе нельзя. Я ведь понимаю: это классовая борьба, и тут не должно быть жалости ни к родным, ни к близким.

— Раха, сочувствую тебе. Конечно, нелегко это — идти против родного брата. Ты верно говоришь: это классовая борьба, и она будет жестокой.

— У меня есть к тебе просьба. Не стреляй в брата, Дайырбай. Пусть его судят. Он не будет сопротивляться.

— Я-то что, Рахимхан. Но ты же знаешь своего брата. Если он меня увидит, вряд ли он сдержится.

— Жайылхан сдастся сам. Беру это на себя. Я буду рядом с ним и не допущу кровопролития.

— Ну, смотри, Рахимхан, ты дал слово.

— Дайырбай, лучше, чем я, никто не знает, какая у тебя трусливая, заячья душонка. Поэтому предупреждаю тебя. У страха глаза велики. С перепугу тебе может привидеться невесть что. Запомни, брат будет без оружия. Не бойся. Если же ты убьешь его, я перегрызу тебе глотку.

Дайырбай побагровел в бессильной ярости. Ах ты, собака, и ты туда же, кусать меня вздумал. Ну, это тебе даром не пройдет. Дай срок, и я тебе за все отплачу.

Вслух же стал говорить:

— О чем ты, Раха? Если он твой брат, так и мне не чужой. Мы же родичи. Успокойся, я его и пальцем не трону.

До Курбан айта осталось всего несколько дней, и они, обговорив мелкие детали предстоящей операции, разошлись.

Айша услышала цокот копыт и, думая, что это приехал муж на Курбан айт, выбежала навстречу. Вместо мужа она увидела деверя своего, Рахимхана, который туча тучей медленно слезал с коня. Айша растерялась, думая, как бы подать весточку мужу, чтобы не приезжал.

Рахимхан, угадав мысли Айши, сказал:

— У меня есть разговор к брату. Потому и приехал. Не бойся, я один.

Вскоре приехал Жайылхан. Перепуганная Айша сказала:

— Ждет тебя деверь. Чую я, не к добру его приезд. Может, ты уедешь, пока цел.

— Эх, Айша, если брат приехал в дни священного Курбан айта по мою душу, ничего не поделаешь. Все там будем, сегодня великий праздник, надо его отметить, а там что будет, то будет.

Жайылхан прислонил к стене винтовку, совершил омовение и начал читать молитву. Выпив несколько пиал чая, отведав лепешек, он обратился к брату:

— Ну, как, на месте еще твоя власть?

Рахимхан, помолчав, ответил Жайылхану:

— Эта власть пришла надолго. Вот что я тебе скажу. Бросай оружие и сдавайся. Это облегчит твою вину.

— О какой вине ты говоришь. Я мечтаю о другой власти, вы нашу власть не признаете. И я, и вы виноваты одинаково. По этой части мы равны.

– Твоя власть – это мираж, ее никогда не было, ты защищаешь то, чего нет.
– Это правда, я точно не знаю, какой должна быть наша власть, но то, что ваша власть – дерьмо, это я знаю точно. Как вы, голодранцы и неучи, собрались управлять народом?

– Советская власть – власть бедняков. Запомни это.
– А я кто? Богач, что ли? Почему я вышел виноватым? Объясни-ка мне? За чем же нас ссылат в Сибирь, отнимать у нас то, что нажито честным трудом?

Рахымхан собрался было ответить, как вдруг к юрте подскакали всадники
– Ах, предатель, как же ты посмел, в такой день, – взревел Жайылхан и, вскочив, бросился к винтовке.

Рахымхан, выхватив маузер, крикнул:
– Жайылхан, не двигайся, не то застрелю. Ты окружен, подумай о детях. Будешь сопротивляться – сожгут всех.

С этими словами он выстрелил вверх. Это был знак Дайырбаю. И в ту же минуту он ворвался в комнату, держа маузер в руке. Не обращая внимания на жалобный, просящий голос Рахымхана: «Он сам сдался, без сопротивления», Дайырбай дважды в упор выстрелил в Жайылхана. Кровь бросилась в голову Рахымхана, и он, не помня себя, кинулся к Дайырбаю.

Когда подросли остальные милиционеры, Рахымхан стоял с окровавленными руками, пытаясь стряхнуть с пальцев что-то скользкое.

Рядом корчился и хрипел Дайырбай с вырванной глоткой.
Один из милиционеров ударил Рахымхана по голове, другой выстрелил в него.

Говорят, будто души тех, кто расстается с жизнью в дни Курбан айта, попадают прямо в рай. Всех ли троих ждали ворота рая, или только одного из них, не знаю. Старики об этом предпочитали не говорить.

* * *

Сейчас всем ясно, что рассказы о тяжелой жизни народа, о том, сколько жизней было погублено в годы строительства социализма в Казахстане, – это историческая правда, и доказывать обратное нет смысла. Вопрос в том, что, наверное, надо осмыслить главное – а нужны ли были эти жертвы? Я думаю, что последующие поколения тоже будут пытаться разобраться в этом. Все игры с социалистическими идеями могут привести к тяжелым социальным потрясениям. И именно это должен осмыслить и осознать тот, кто придет после нас.

ГЛАВА 2. ПРИЗРАК, БРОДИВШИЙ ПО ЕВРОПЕ

Чтобы понять, как появился в Казахстане социализм, нужно обратиться к деятельности Карла Маркса и Фридриха Энгельса. 21 февраля 1848 года увидел свет их совместный труд – «Манифест Коммунистической партии» на немецком языке. Манифест начинался словами: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

Человеку со здравым рассудком эти слова могут показаться, по меньшей мере, страшными. Призрак не является действительностью, и перспективы обрести оную у него нет. Его назначение – быть призраком и только. Сама идея призрака является опасной.

Манифест начинается со слов о призраке, заканчивается призывом: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Авторы манифеста разделили все чело-

вечество на два лагеря, которые никогда не смогут прийти к согласию. Выйти из этого противостояния возможно лишь при условии уничтожения эксплуататоров как класса и установлении диктатуры пролетариата. С этой целью пролетарии всего мира, объединившись, должны совершить мировую революцию. Эта губительная идея в начале XX века нашла своих сторонников в России, которые ее реализовали. Люди испытали невиданную до этого духовную трагедию, потрясение, несравнимое ни с чем.

Карл Маркс говорил о призраке, бесплотном духе, который бродил по Европе, но постепенно призрак распространился по всему миру. Эта идея обрела реальность в большевизме, вождем которой стал Владимир Ильич Ленин. Анализируя материалы, связанные с этим периодом, приходишь к выводу, что большевизм, по сути, был политико-террористской силой. Народники, социалисты были вместе с террористами, да, впрочем, они и сами были таковыми. Этому в литературе советского периода есть достаточно серьезные подтверждения и конкретные факты. Известно так же, что к большевизму примкнули и криминальные группировки. Большевизм искал и находил поддержку в неграмотной темной среде народа. Эта стратегия привела их к победе. Выдвинутый в свое время и широко пропагандируемый слоган «Большевизм – могильщик эксплуататоров» был ошеломляюще успешным.

Когда Карл Маркс говорил о призраке, который бродит по Европе, он имел в виду то, что пролетарская революция произойдет сразу в нескольких наиболее подготовленных и развитых странах. Объективно говоря, это была утопическая идея. Если бы она осталась утопической, то опасности социализма не было бы. Но ситуация изменилась с появлением русского большевизма и вождя Ленина. Он внес поправки в учение Маркса, утверждая, что империализм – высшая, загнивающая ступень капитализма, значит, пролетарская революция возможна не только в развитых странах и она не обязательно должна происходить одновременно в нескольких странах. Пролетарская революция возможна в отсталой стране, где только начинают развиваться капиталистические отношения. Это ленинское дополнение к Марксу не осталось всего лишь теоретическим дискурсом. Октябрьская революция 1917 года ознаменовала победу идей марксизма-ленинизма, идей коммунизма. Поскольку Казахстан был в то время колониальной окраиной России, призрак коммунизма воцарился и здесь.

Социалистическое общество основывалось на двух базах. Первая – коллективная собственность, вторая – безбожие.

Коммунисты, утверждая свою власть, начали с того, что изменили форму собственности. С этой целью они проводили насильственную коллективизацию. Тех, кто был против и пытался отстаивать свои права, раскулачивали, конфискуя имущество, а самих ссылали, расстреливали, одним словом, уничтожали. С каждым днем усиливалась пропаганда новой жизни, утверждались новые принципы, установки. Люди должны были убедиться, что старому возврата не будет.

Эта политика вызвала неудовольствие и протест в народе. Люди с оружием в руках пытались бороться с новой властью. В тридцатых годах по Казахстану прокатилась волна вооруженных выступлений против большевизма. Советская власть жестоко подавила их. Самые лучшие представители народа были в результате таких столкновений убиты, замучены. Оставшиеся в живых скрылись за границу, покинув свои родные места. Эти страшные страницы исто-

рии были преданы огласке лишь после того, как большевизм был повержен и страна обрела суверенитет.

Мне вспомнились рассказы старого Бейсена, который знал много историй, связанных с этой темой. Бейсен обычно начинал со слов: «Их было тридцать».

НОВЕЛЛА

У начальника ГПУ Азела голова пухнет от забот. Сверху то и дело один за другим летят приказы и распоряжения. Все они об одном: немедленно выявить тех, кто противится коллективизации, кто терроризирует бедняцкое население, поймать и уничтожить. Бей, круши — вот единственное, что требует начальство. И рад бы выполнить, да силенок маловато. Всего десять солдат под началом. А так называемые банды все больше сближаются с народом. Тех, кого называют басмачами, — это обычно середняки и беднота. Только главари их — байские сынки. Азел знает, что за невыполнение приказа его не помилуют. Поэтому надо придумать какую-то каверзу, да побыстрей, но не с кем даже посоветоваться. От тех, кто ходит в начальниках, толку не добьешься.

Он сидел в мучительных раздумьях у себя в кабинете, вдруг в дверь постучали. Вошедший оказался Азелу знакомым, но он не мог вспомнить, где его видел. Азел выжидающе посмотрел на вошедшего, но тот молчал, видимо, надеясь, что начальник его признает.

Наконец, Азел, потеряв терпение, спросил: «Кто ты, по какому делу?»

— Азе, ты что, не узнал меня, я же Михаил. Как ты мог забыть меня, ну, вспомни.

Начальника аж передернуло: «Разве он не в Монголии? Что эта скотина делает здесь? Неспроста он здесь объявился. Надо уничтожить его, пока он не проболтался ни о чем».

— Азе, не пугайся, — сказал Михаил. — Убить меня ты всегда сможешь. Может, и сгожусь тебе на что-нибудь.

Тут Азелу вспомнились бандиты. А ведь можно его использовать в этом деле. Начальник решил, не торопясь, поделиться своей бедой с Михаилом.

— Чего это я буду тебя бояться. У меня власть, оружие, да и твоя жизнь у меня в руках. Никто тебя и не собирается преследовать за убийство, всем и так ясно, что ты кровопийца.

— Азе, я смерти не боюсь. Когда-нибудь да умрешь. Но я пришел помочь тебе, но, конечно же, не бесплатно.

— Ну что ж, говори, чем можешь мне помочь.

— Здесь у тебя под боком скопились басмачи. Они не успокоятся, пока не прикончат тебя и твою власть.

— Не болтай, нет такой силы, чтобы уничтожить нашу власть. Ничего у них не получится. Давай выкладывай, с чем пришел.

— Я хочу тебе дать совет, как уничтожить бандитов.

Азел задумался. Это то, что ему нужно. Михаил все знает, и он знает множество путей, какими можно истребить людей. В бытность его осведомителем губернской полиции, ГПУ использовало Михаила для одного кровавого дела. Наемный убийца выследил и убил одного из казахов-националистов. Да, придется воспользоваться его услугами. Но как только Михаил закончит свое дело, его не мешало бы ликвидировать.

— Азе, не переживай. Я только дам тебе совет и скроюсь. А если ты убьешь

меня, то навлечешь на себя гнев Господень, — сказал Михаил, будто читая мысли Азела.

«Да, эта скотина права, если он уедет за границу, все будет шито-крыто. Но на всякий случай надо подстраховаться, а пока не мешало бы послушать этого подлеца». И с этими мыслями Азел посмотрел на Михаила, как бы приглашая его продолжить разговор.

— Тебе нужно уничтожить бандитов? — Начальник ГПУ кивнул. — Когда начинается пожар, то ему делают встречный пожар, и когда все выгорит, пожар сам собой прекратится. Представь, что бандиты — это пожар. Навстречу ему...

Азел вскочил, не слушая Михаила. «Вот досада, как это я об этом не подумал. Надо организовать в противовес существующей банде другую и сделать так, чтобы между ними возникла вражда».

Азел, бледный как смерть, посмотрел на Михаила: «Понял тебя, ты организуешь банду, твое дело».

— Азе, у казахов есть поговорка: «У волка и у настоящего мужчины еда на дороге», дай мне оружие, людей, а за остальное будь спокоен.

Да, видно, он немало дров наворотит, но делать нечего, иначе ему бандиты не поверят.

В общем, через пару дней был организован отряд бандитов из 30-ти человек. Большинство комсомольцы, с каждым из них была проведена беседа.

Их задача заключалась в том, чтобы войти в доверие к бандитам и обезвредить их. Михаил, надев казахский чапан, стал как бы рядовым бандитом, но все в отряде слушались и подчинялись ему.

Новоявленные бандиты, увешанные оружием, заезжали в аулы, грабили в основном середняков и активистов, поджидали путников на дорогах.

Главарь одной из банд Каракоз, у которого всюду были свои агенты, решил раскрыть секрет новой банды.

Проницательный Каракоз, которому казалась подозрительной новая банда, с целью проверки послал в область заявление, в котором писал, что начальник ГПУ держит наемных бандитов. Судьба Азела была решена в один день. Ему было предъявлено обвинение в связи с бандитами. Никаких оправданий не приняли, а о Михаиле вообще говорить было нельзя.

Делать нечего, Азел сказал, что это люди Каракоза, но что он, начальник ГПУ, обязуется покончить с бандой в течение недели.

Дело принимало опасный оборот. Если членов так называемой банды взять живьем, то на первом же допросе они выдадут его. И понятно, что ему тогда несдобровать. А если всех прикончить, то с него взятки гладки, скажет, что были убиты в перестрелке, а с мертвых — какой спрос.

В банду пришел человек от Азела и велел им собраться в песках недалеко от Аягоза. Поняв, что кроется за этим приказом, ночью Михаил погрузил на двух лошадей награбленное добро и был таков. В назначенный день заявили солдаты, в упор расстреляли спящих бандитов. Потом закопали в общей яме.

Азел послал в область донесение о том, что банда уничтожена.

Большинство из тридцати были комсомольцами. За что они отдали свои молодые жизни, имена их — все это кануло в Лету. Но истина вечна, а подлость скоротечна. И живет в городе Шымкенте старая женщина, которая знает имена некоторых из погибших и всегда поминает их в своих молитвах.

* * *

Вычеркнуть из сознания идеи коммунизма и социализма не просто. Наверное, именно это является причиной того, что коммунисты в последнее время стали активно вмешиваться в жизнь, пытаясь влиять на какие-то политические события. Недооценивать их было бы непростительным шагом. Ибо идея коммунизма основана на религиозных традициях. Ленинские большевики поменяли одну религию на другую.

Если бы они заявили о том, что хотят построить общество без религии, то их никто бы не поддержал. Поэтому они стали пропагандировать религию безбожников.

Атеизм сам по себе — одна из форм религии безбожия. Борьба против церкви велась религиозными методами. Вместо веры в Бога вселялась вера в идею.

Вместо церковных обрядов и ритуалов повсеместно стал утверждаться коммунистический порядок, основанный на коммунистической идее и морали. Надо признать, что резко сократились преступления, хулиганство, воровство. Диктатура пролетариата устанавливала жесткий порядок, огнем и мечом выжигая всяческое инакомыслие, любую попытку нарушить заповеди новой религии. Н.Бердяев так писал об этом:

«В коммунизме есть здоровое, верное и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека, как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому. Но эта верная идея искажается отрицанием самостоятельной ценности и достоинства каждой человеческой личности, ее духовной свободы. В коммунизме есть также верная идея, что человек призван в соединении с другими людьми регулировать и организовывать социальную и космическую жизнь. Но в русском коммунизме эта идея, нашедшая себе самое радикальное выражение у христианского мыслителя Н.Федорова, приняла почти маниакальные формы и превращает человека в орудие и средство революции» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 125-126).

Иными словами, по Бердяеву, в коммунистической морали есть как сходство с христианством, так и различия. Сейчас на сознание людей влияет именно их сходство. Все, кто голосует сейчас за коммунистов, — это те, кто сознательно или неосознанно воспринимает это сходство. У большевиков Бог — это идея. Вера в идею означает фанатизм. Вот почему все революционеры были фанатиками и беспредельно верили в идею коммунизма и были готовы ради нее пожертвовать своей жизнью.

Удивительно, как живуча идея в сознании людей. Поскольку с давних времен дух человеческий определялся религиозным содержанием, ничего необычного в том, что идея Ленина была воспринята русскими людьми, нет. Ведь революцию поддержала толпа, темные силы, интеллигенция примкнула к ней, будучи в заблуждении, или от безысходности, или из желания сделать себе имя. Но в основном творческая интеллигенция не поддержала революцию.

О мучительных поисках, душевном смятении и разладе интеллигенции, о том, что пришлось им пережить, рассказывают книги Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» и Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

Русские интеллигенты поняли, где идут расхождения коммунистической идеи с христианскими заповедями, и поэтому выступили против.

Кошмар большевистской морали в том, что мораль эта делает человека орудием разрушения, уничтожения, разложения. И в самом деле, всем известно,

как государственный аппарат расправлялся с безвинными людьми, сколько их было арестовано, сослано, расстреляно, замучено в застенках НКВД.

Это была война религий. И ничего нового человечество не изобрело.

Коммунистическая идеология, по большому счету, — это религиозная идеология. Не сомневаюсь, что идущее за нами поколение даст коммунизму именно такую оценку, ибо все прежние революционные лозунги и социально-политические, экономические факторы исчезли, как пена. Подумайте сами, как можно разбогатеть, отняв богатство у другого? И в чем смысл перемен и революционных потрясений, если они сделали в одночасье бедными всех? Нелепость утверждений о том, что сначала надо всех сделать бедными, чтобы все были равны, или для того, чтобы все были равны, всех сделать бедными, очевидна.

В Казахстан коммунизм пришел насильственным, миссионерским путем. Вначале восприняв идею коммунизма под дулом пистолета, потом, когда начались репрессии, принимая уже из чувства страха, мы стали коммунистами. Коммунизм произрос, обрел силу, утвердился на русской земле. В связи с этим обратимся снова к Н.Бердяеву: «Русский коммунизм, если взглянуть на него глубже, в свете русской исторической судьбы, есть деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды, русской идеи, принявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы. Но русский коммунизм более связан с русскими традициями, чем это обычно о нем думают, традициями не только хорошими, но и очень плохими» (Там же. С. 148-151).

О других народах надо говорить осторожно. Но вот что кажется явным и бесспорным: коммунисты совершили пассионарный рывок, имея в основе русскую идею, и этот пассионарный рывок счастливо сочетался с новой религией — коммунистической.

В результате коммунизм, став опорой русской идее, помог ей стать решающей мировой силой. Всем понятно, что провозглашенный когда-то социалистический лагерь — это пространство обитания русской идеи. Поэтому просто вычеркнуть из памяти идеи социализма и коммунизма очень трудно, потому что они, изменив свои формы существования, могут проявляться и благополучно процветать в нашей жизни.

Иногда я думаю, как могли коммунисты, бросив вызов всем другим религиям, так быстро, за короткие сроки создать свою? Сколько сейчас людей, которые по сей день так и не могут вырваться из этих тисков.

* * *

Социализм был атеистическим обществом. На старших курсах в вузах читали курс «Основы научного атеизма». Одним из основных положений атеизма было отрицание и низвержение религий. Тех коммунистов, которые участвовали в похоронных или других обрядах и ритуалах, сурово наказывали. Но социализм не смог победить религию, ибо религия составляет сущность человеческой природы, и уничтожить ее просто невозможно. Хочу рассказать вам эпизод, который поведал мне когда-то старик Бейсен.

НОВЕЛЛА

Пятнадцатилетняя Амина больна неизлечимой болезнью. Она в беспомощности. Родители, бледные, заплаканные, сидя у ее изголовья, чувству-

ют, что скоро конец, но не говорят об этом друг другу. Что тут поделать.

Отец девочки, прежде суровый человек, растерянно посматривает на жену, безвольно опустив руки. Кажется, единственная опора и надежда осталась у него — это его всегда спокойная, молчаливая жена. Он смотрит на нее умоляющими глазами. Что же делать, если девочка, опять придя в сознание, повторит свою просьбу, которая привела его в такое смятение, что пот с него катит ручьем, и он то и дело вытирает его рукавом рубахи.

Жена, с неодобрением глядя на него, думает: «Бедный, конечно же, ему тяжело видеть свою любимицу в таком состоянии».

Но Мукташ терзался совсем по другой причине. В полдень, когда жена возилась у очага, готовя обед, девочка вдруг сказала ему: «Отец, помните, когда дедушка умер, приходил мулла и читал молитву. Я хочу услышать ее».

Мукташ испугался, подумал, что, может быть, она бредит, не иначе. Мулла тот и дорогу забыл к ним, да и в тот раз позвал его из боязни, что люди осудят. Будь его воля, и близко бы не допустил того муллу. Очень не любил мулл Мукташ, был настоящим атеистом. Да и муллы, зная его, обходили дом стороной. Жена, бывало, соберется напечь лепешек, просит его позвать муллу, чтобы сотворить молитву и помянуть умерших духов предков, Мукташ сердится и замахивается на нее: «Не болтай ерунды, делать тебе, что ли, нечего». И жена, зная крутой нрав мужа, больше не заговаривает с ним на эту тему.

Можно понять состояние Мукташа, когда его родная дочь, любимица семьи, вдруг захотела услышать молитву. Как же, ведь она выздоровеет, станет комсомолкой, что она тогда скажет товарищам? Эх, и закатит он тогда той, соберет всех, чтобы порадовались за его дочь.

Ему вспомнилось, как он вступал в комсомол. Он был не просто комсомольцем, он был активистом. Развернул борьбу против классовых врагов, против мулл. В ауле появилась даже поговорка: «Мукташ пройдет — и даже плачущий ребенок от страха замолчит». Да и теперь его знают, как ярого коммуниста. Как же получилось, что кровинка его говорит такие непотребные для дочери коммуниста слова.

Амина, чуть успокоившись, стала искать руку отца. Мукташ взял ее руки в ладони, ощутил жар. Забилося сердце в недобром предчувствии. Дочь повернула голову, внимательно посмотрела на отца. Ах, до чего же она у него красавицей уродилась! Большие черные глаза так и пронзают душу. Мукташ не замечал, что плачет, так он был удручен. Жена видела его плачущим впервые. «Надо же, как горе подкосило его», — подумала она. Вдруг ее мысли прервал тягучий, даже немного капризный голос дочери: «Отец, хочу послушать муллу, они ведь что-то говорят при болезни». Мукташ побледнел. Подумал в замешательстве: «Эх, зачем она говорит об этом. Скажи она эти слова в добром здравии, на нее можно было прикрикнуть, а что сейчас ей сказать». Молчание нарушила жена: «Дочка, мулла причащает, молится, чтобы больному стало легче».

— Так мне ведь это и нужно, — резко сказала девочка.

Мукташ привел муллу. Только мулла начал читать «Ля-иллави-ильалла», как Амина прервала его:

— Дедушка, научите меня этой молитве, я хочу сама это говорить.

Мулла повторил несколько раз молитву, девочка запомнила и уже сама бормотала про себя.

Мулла взял ее за руку, начал было считать пульс и сделался белым, как

полотно. Мать поняла, что девочка доживает последние минуты. «Иншалла, иншалла», — бормотал испуганный мулла. Девочка, едва шевеля губами, читала сама себе заупокойную. К вечеру она умерла. Мулла, сидя у ее ног, плакал навзрыд. Мукташу впервые довелось видеть его плач.

Через семь дней после смерти дочери Мукташ пришел в дом муллы. Между ними состоялся следующий диалог:

- Проходи, проходи, Мукташ, садись.
- Молдеке, не беспокойтесь, я пришел к вам с просьбой.
- Говори, если смогу, помогу.
- Молдеке, научите меня молиться, до сорока дней хочу сам читать ей заупокойную. Когда-то в детстве я учил, просто потом позабыл.

Сказав это, он заплакал. Мулла растерянно смотрел на плачущего атеиста.

Я был знаком с Мукташем. До самой смерти он читал намаз, был очень набожен, но я и подумать не мог, что он когда-то был воинствующим атеистом. Похоронили его возле дочери, которую люди называли праведной Аминой.

ГЛАВА 3. КРУШЕНИЕ ЛАГЕРЯ СОЦИАЛИЗМА

Болезнь социализма — врожденная болезнь. И крушение его — историческая закономерность. Тех же, кто предвидел этот распад, идеологи коммунистического учения объявили врагами и уничтожили. Казахские интеллигенты в большинстве своем не приняли идею социализма и как классовые враги, враги народа, стали изгоями. Кровавые репрессии начались сразу же, с первых дней строительства социалистического общежития.

* * *

Социалистическое общество построено на вере. На вере, в основе которой заложены идеи коммунизма. Вера без Бога. Чистая вера может истребить человеческое. Разве не ожесточится сердце, если воспитывать его готовым к борьбе, к уничтожению других людей, утверждая, что это враги?

В чем смысл того, что сын встает против отца, оправдывая свои действия долгом перед идеей коммунизма. Согласно большевистской идеологии, вера сильнее родственных отношений. Если твой близкий человек идейно чуждый элемент, значит, он твой враг. Конечно, и в иные времена случались такие эпизоды, но чтобы это утверждалось повсеместно как традиция, приобретало бы массовый характер, такие явления в истории отмечались весьма редко.

Советская же власть утверждала именно эту мораль, и она постепенно стала основным принципом построения социалистического общества. Появились новые понятия и представления, соответствующие новой идеологии. Эти принципы были систематизированы и изложены в коммунистической морали.

2 октября 1920 года на III съезде молодежи Владимир Ленин в докладе «Задачи Союза молодежи» подробно изложил цели и задачи комсомола, обосновав их политическую суть. Потом эту речь Ленина растиражировали миллионами экземпляров и распространили ее по всей стране. Каждый пионер, каждый комсомолец считал себя обязанным выучить ленинские слова наизусть.

В этом своем труде Ленин конкретно и объемно рассмотрел проблемы коммунистической морали. Он указывал, что для Союза молодежи важным участком работы является воспитание молодых в духе коммунистической морали.

Что означает коммунистическая мораль? Отвечая на этот вопрос, Ленин, опираясь на учение марксизма, взял в основу два главных понятия. С одной стороны, он рассмотрел вопрос морали с классовых позиций, во-вторых, он соотнес мораль с политическим принципом. В этом смысле мораль теряет свою первоначальную смысловую наполняемость и обретает черты политического феномена.

Ленин разделил мораль на коммунистическую и буржуазную. Последнюю он резко критиковал за то, что капиталистическое общество основано на вере в Бога, на подавлении человеческого в человеке. «Мы, — говорил Ленин, — не верим в Бога и не дадим больше сосать кровь трудового народа».

Этими словами Ленин определяет главную идею — человек не должен идти по божьему пути, этого нельзя допускать ни в коем случае! Только атеист достоин называться настоящим человеком.

Понятно, что эта мысль идет вразрез с устоявшимися веками представлениями и понятиями о человечности.

«Человек есть мера всех вещей», — говорили древние греки. Есть такое учение — гуманизм, определяющее, что, несмотря на вероисповедание человека, цвет кожи, разрез глаз, богатство, он сам по себе — высшее достижение природы, ее венец.

Соглашаясь и принимая это гуманистическое определение, мы не можем назвать набожного человека неполноценным. Человеческое в человеке — вот то, что объединяет всех на земле, несмотря ни на какие идеологические разногласия.

Почему набожный человек должен быть для нас врагом? К чему это ведет? На самом деле большевизм не несет в себе никакой новой идеологии. Отличие ее от традиционной заключается всего лишь в безбожии, в отрицании Бога. Это религия безбожников, религия толпы. То, что без новой религии им ничего не добиться, большевики поняли сразу, как только взяли власть в свои руки.

Надо было сформировать и выдать искусственно созданного Бога. И в этом направлении большевики усилили пропаганду и агитацию. Вместо Бога всем был предъявлен образ вождя пролетариата Маркс. После смерти Ленина Сталин создал «Бога» из умершего вождя. И в известной степени он добился результатов. За прошедшие семьдесят лет авторитет Ленина был не ниже авторитета пророков. Возникает вопрос: чего добились люди, чего достигли, следуя за Лениным? На этот вопрос у каждого свой ответ.

Окончание следует

